

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ОТДЕЛЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ

СКАЗОЧНАЯ КОМИССИЯ

в 1924—1925 гг.

ОБЗОР РАБОТ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Председателя Комиссии Академика С. Ф. Ольденбурга.

ЛЕНИНГРАД
1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ОТДЕЛЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ

СКАЗОЧНАЯ КОМИССИЯ

в 1924—1925 гг.

ОБЗОР РАБОТ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Председателя Комиссии академика С. Ф. Ольденбурга

ЛЕНИНГРАД
1926

Ленинградский Гублит № 19836.

Тираж 1200 экз.

Типография Главного Ботанического Сада. Аптекарский пр., д. 1.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
<i>С. Ф. Ольденбург.</i> Исключительная важность исследования народной сказки.	5
<i>Н. П. Гринкова.</i> Отчет о деятельности Сказочной Комиссии в 1924—1925 гг.	7
Приложение: Краткий перечень сказочных материалов, находящихся в рукописях и собранных за последние годы.	10
<i>Н. М. Элиаш.</i> Об учете сказочников и собирателей (опыт инструкции).	12
<i>Н. П. Андреев.</i> Система Аарне и каталогизация русских сказок. .	15
<i>Н. Е. Ончуков.</i> Библиография сказки на русском языке с 1917 года.	20
<i>А. И. Никифоров.</i> Обзор работ о сказке и легенде на русском языке за 1917—1925 годы.	23
<i>А. Е. Кудряшова и М. М. Серова.</i> Сказка в ленинградских кружках по рассказыванию.	33
<i>М. Б. Едемский.</i> О собирании русских народных сказок. (Из отчетов об этнологических наблюдениях в северных губерниях за последние годы).	35

Посвящается памяти

А. Н. Афанасьева

(1826—1926)

С. Ф. Ольденбург.

Исключительная важность исследования народной сказки.

Вопрос изучения так называемой „народной сказки“ давно уже занимает исследователей. Он принимал разные направления в связи с разными научными течениями и в зависимости для разных стран от того материала, который имелся в каждой стране.

Вследствие богатства и разнообразия материала русской народной сказки, она подверглась особенно углубленному исследованию именно в русской научной литературе, при чем у нас впервые была во всей широте поставлена проблема творца и передатчика „народной сказки“. В самое последнее время, вследствие смешения ничего общего между собой не имеющих двух подходов к сказке—научно-исследовательского и педагогического—научные занятия сказкою и особенно их издание потерпели значительный урон. Педагогическая сторона нас не касается, она стоит в прямой зависимости от общих течений педагогической мысли и меняется согласно им. Необходимо ясно и отчетливо сказать, что совершенно иначе стоит дело с научным исследованием сказки, которому должно быть отведено видное место, как по отношению к выяснению процессов творчества, так и заимствований внутренних и международных, вместе с вопросами скрещивания. Сказка со всех этих точек зрения является особенно важным и ценным материалом.

Сказочной Комиссии приходится относиться с большим вниманием к новому у нас движению рассказывания сказок, возникшему на почве педагогических и культурно-просветительных работ. Но Сказочная Комиссия в этом движении берет лишь одну сторону: процесс творчества при рассказывании, изучение которого, благодаря легкости систематического наблюдения, получает большое методологическое значение; стороны педагогическая и общественная, сами по себе чрезвычайно важные, нашей комиссии не касаются. Несколько членов Комиссии принадлежат к кружкам рассказчиков.

Благодаря тому, что сказка живет еще в народных массах и не скована при том определенными формами, она позволяет нам наблюдать и исследовать процессы творчества с исключительной полнотой и исключительной глубиной. Передатчик сказки в большинстве случаев является несомненным автором, и мы имеем возможность

изучить и его, и ту обстановку и ту специальную среду, в которой он творит. Смело можно сказать, что ни в какой другой области творчества нам не даны такие широкие возможности исследования.

В народной песне, напр., целый ряд этих элементов исследования не существует, особенно благодаря ее консервативности, отчасти обусловленной и формой.

Но не только по отношению к процессу творчества сказка представляет особенно ценный объект исследования. Вопросы заимствования и скрещивания, которые мы изучаем по отношению к языку, могут особенно успешно изучаться на материале сказок.

Таково исключительное, большое значение сказки в исследовательском отношении. В виду его приобретает совершенно особое значение тот факт, что наша страна является последней европейской страной, где в широком масштабе может быть еще произведено научное собирание народной сказки. В то время как в других странах Запада сказка почти исчезла, как вид народного творчества, у нас она продолжает развиваться, и количество сказок которые еще могут быть у нас записаны громадно. Понятен поэтому и тот исключительный интерес, который проявляется теперь на Западе к русской сказке. Необходимо иметь в виду, что за 11 лет, протекающие с начала войны, накопилось чрезвычайно значительное количество научных записей народных сказок, которые ждут издания. Часть этого материала известна Сказочной Комиссии, которая употребляет все усилия к тому, чтобы выяснить полную наличность собранных в Союзе материалов. Если при этом иметь в виду, что многое из этого материала записано с соблюдением строжайших методологических требований и что издание таких записей было бы крупнейшим научным достижением, то станет понятным, почему „Сказочная Комиссия“, несмотря на неблагоприятные во многих отношениях обстоятельства, считает своим долгом усилить свою работу и смотрит на настоящий первый, и по условиям печатания, к сожалению, чрезвычайно краткий обзор своих работ в истекшем году, как на средство обратить общее внимание на собирание и исследование народной сказки.

События нашей общественной и государственной жизни с необыкновенной быстротой меняют уклад даже и деревни и потому собирание сказок является делом неотложным. Но только собирать сказки и не издавать и не исследовать их, конечно, невозможно. Сказочная Комиссия уверена, что ей дана будет возможность заняться собиранием, изданием и исследованием народной сказки, как Сказочная Комиссия это делала прежде.

Сергей Ольденбург.

Отчет о работе Сказочной Комиссии за 1924—25 год.

Сказочная Комиссия при Отделении Этнографии Русского Географического Общества с 1911 года вела большую работу по сказке. Деятельность ее направленная на собрание, систематическое издание ¹⁾ и исследование сказки, в силу наступивших общих условий, в 1917 г. прекратилось. За период 1916—1924 г.г. велась только одиночная работа отдельных ее членов, как по собиранию сказки, так и по теоретическому ее изучению. Эта непрекращавшаяся, по существу, деятельность ее членов, позволила при изменившихся условиях быстро вновь наладить общую работу Комиссии, которая и возобновила свою деятельность 30 мая 1924 года.

В состав Комиссии вошли следующие лица: председатель комиссии С. Ф. Ольденбург, секретарь Н. П. Гринкова, секретарь Отделения Этнографии Д. А. Золотарев, И. С. Абрамов, Н. П. Андреев, М. Б. Едемский, И. М. Калинин, А. Е. Кудряшова, А. И. Никифоров, Н. Е. Ончуков, А. К. Сержпутовский, М. М. Серова, П. К. Симони, В. И. Чернышев, Н. М. Элиаш.

Вскоре были завязаны сношения с подсекцией народной словесности Академии Художественных Наук в Москве, председателем которой состоит Ю. М. Соколов. Подсекция народной словесности и Сказочная Комиссия, находясь в близком контакте, оповещали одна другую о ходе работ путем обмена протоколами заседаний. Кроме того, поддерживалась связь со старым членом Комиссии Д. К. Зелениным, находившимся в Харькове, а также с М. К. Азадовским, в Иркутске. В виду отсутствия фольклорного или этнографического органа, Комиссия не могла войти в связь с многочисленными краеведческими организациями.

За отчетный период Комиссия имела 14 заседаний, посвященных организационным и научно-исследовательским вопросам. В сентябре 1925 г., в юбилейные дни Академии Наук, Комиссией было созвано собрание находившихся в Ленинграде работников по сказке.

Одну из главных задач Сказочной Комиссии прежних лет, а именно систематическое издание сказок, в виду отсутствия издательских возможностей, пришлось отложить до более благоприятного

¹⁾ См. изданные Комиссией сборники сказок: Д. К. Зеленина—Великорусские сказки Пермской губ. Петроград, 1914; его же—Великорусские сказки Вятской губ. Петроград, 1916; А. М. Смирнова—Сборник Великорусских сказок Архива Русск. Географ. Об-ва, 2 в., Петроград, 1917.

времени и обратиться к другим, не менее насущным и более доступным заданиям. Главнейшими задачами работ Комиссии были выдвинуты следующие:

1) Начата работа по библиографии сказочных текстов. Библиографированию подлежат сказки всех народностей СССР, записанные на русском, белорусском и украинском языках. Составление такого рода библиографии должно иметь значение справочника, дающего указания, по возможности, на все имеющиеся в печати записи сказочных текстов. Наличие такого рода справочника необходимо для дальнейшей теоретической разработки сказочного материала. В виду того, что, по полученным Комиссией сведениям, Д. К. Зелениным произведена часть этой работы над изданиями, вышедшими до 1911 г., Комиссия занялась библиографированием материала из изданий, вышедших в 1911 и последующих годах.

2) Для приведения в известность того материала по сказке, который собран за последние 10 лет и до сих пор еще не опубликован, предположено было предпринять работу по учету собирателей сказок и сказочников. Для этой цели Комиссией выработаны две карточки, одна для учета собирателей, другая для учета сказочников. Эти карточки предполагается распространить по краеведческим организациям для получения сведений по сказочному материалу, накопленному за эти годы на местах, совершенно неизвестному и недоступному для исследователя сказки. Ответы на карточки по учету сказочников дадут возможность судить о количестве и, до некоторой степени, характере и качестве записей на местах. Успешное проведение этой работы возможно при широком участии краеведческих организаций, ведущих аналогичную работу. Для правильного проведения этой работы Н. М. Элиаш, по поручению Комиссии, составлена особая инструкция.

Кроме того, таким же путем предполагается учесть сказочный материал, находящийся в рукописях и хранящийся в рукописных отделениях больших библиотек.

3) Вслед за учетом сказочного материала как напечатанного, так и рукописного, очередной задачей является теоретическая разработка этого богатого материала. В этом направлении Комиссией принята предварительная работа. Членами Комиссии Н. П. Андреевым и А. И. Никифоровым пересмотрены системы классификации сказочных тем Hahn'a Gomme'a, Арнаудова и Аарне, о чем были сделаны в Комиссии специальные доклады с обсуждением этих систем. Комиссия остановилась на том, чтобы для дальнейшей разработки сказочного материала условно принять систему Аарне и произвести классификацию русских сказок по его каталогу. Признавая целый ряд недостатков в каталоге сказочных тем Аарне, в особенности в применении их к русскому материалу, Комиссия все-таки признала необходимым остановиться на этой системе, с одной стороны в виду ее большей полноты, с другой—в виду ее международного значения. В процессе работы над каталогизацией сказок выясняется еще рельефнее недостатки системы Аарне в применении к русскому сказочному материалу, что даст возможность позднее коренным образом переработать эту систему применительно к нашему материалу.

В виду признания необходимым ввести в круг работ по разработке народной сказки широкие краеведческие массы, постановлено напечатать на русском языке каталог сказочных тем Аарне. Перевод этой работы уже выполнен и приготовлен к печати Н. П. Андреевым (см. дальше ст. Н. П. Андреева—„Система Аарне и каталогизация русских сказок“). Попутно ведется работа по переводу сказок на систему Аарне, главным образом больших сборников; так, Н. П. Андреевым проработаны следующие сборники: Афанасьева, Зеленина (Вятские сказки), Ончукова, Садовникова, Смирнова, Соколовых, Худякова, Чудинского, Эрленвейна и „Живая Старина“ за 1912 г., А. И. Никифоровым—сборник пермских сказок Зеленина. В виду ограниченного количества экземпляров каталога Аарне и трудности работы с немецким подлинником, более широкая постановка этой работы невозможна и ждет появления каталога в русском переводе.

4) По мере накопления материалов Сказочная Комиссия предполагает заняться картографированием сказочного материала для выяснения характера распространения сказок и степени обследованности тех или иных районов СССР.

5) Обращая главное внимание на эти задачи, Сказочная Комиссия не оставляет завещанного ей от прежней Комиссии собрания живого сказочного материала. Все члены Комиссии, попав в поле для работы в той или иной области, искали случая и возможности для пополнения записей сказок. Ниже приводятся сведения о последних записях сказок, сделанных, как членами комиссии, так и другими собирателями, по тем данным, которые поступили в Комиссию.

6) Для правильной организации и постановки собрания сказок на местах предполагается выработать программу по собиранию сказок.

Всероссийская Конференция по краеведению, бывшая в декабре 1924 года, укрепила связь Комиссии с некоторыми краеведческими организациями и отдельными собирателями. В результате в Комиссию уже поступили некоторые материалы, а именно большой сборник Невзорова из Пензенской губернии, заключающий 200 №№ сказок, и сборник В. И. Смирнова сказок Брянской губернии в количестве 5 №№.

Сказочная Комиссия, выпуская настоящий краткий отчет о своей деятельности за 1924—25 г.г., имеет в виду поднятие интереса к собиранию и разработке уходящего уже во многих местах народного творчества, а также укрепить информацию о работах и материалах на местах ¹⁾.

Комиссия выражает уверенность, что работники в области сказки пойдут навстречу заданиям Комиссии и дадут сведения о работе по сказке.

Секретарь Комиссии *Н. П. Гринкова.*

¹⁾ В редакционную комиссию по составлению настоящего сборника вошли М. К. Азадовский, Н. П. Гринкова и Н. М. Элиаш.

Краткий перечень сказочных материалов, находящихся в рукописях.

В настоящем перечне приводятся те данные, которыми располагала Комиссия в момент составления отчета.

Великорусские сказки.

- С. И. Бернштейн записал в Гдовском у., Ленинградской губ., в 1920 г. 25 №№.
- Е. Э. Бломквист—в Весьегонском у., Тверской губ., в 1922 г. 3 №№, в Ростовском у., Ярославской губ., в 1924 г.—15 №№.
- Е. Д. Герке—в Лужском у. в 1920—21 г. 25 №№.
- Н. П. Гринкова—собирала сказки в 1920 г. в Гдовском у., Ленинградской г., где записано 14 №№, в 1921 г.—в Лужском у., той же губ.—15 №№, в 1922 г. в Весьегонском у., Тверской губ.—10 №№ и Мологском у., Ярославской г.—8 №№, в 1925 г. в Брянской г.—18 №№, и в Воронежском у. (б. Землянском), Воронежской губ.—60 №№.
- М. Б. Едемский—собирал в 1917—18 г.г. в Тотемском у., Вологодской губ., в 1920—21 г. в Архангельской губ., в 1922 г. в Краснохолмском у., Тверской г.—49 №№ и в Новоржевском и Островском у.у., Псковской г., в 1923—24 г.г. в Вологодской губ.—95 №№.
- С. А. Еремин—в Весьегонском у., Тверской г., в 1921—22 г.г.—10 №№ и в Бежецком у., той же губ. в 1921—22 г.г.—8 №№.
- К. Я. Коренева—в Новолодожском уезде, Ленинградской губ., в 1920—21 г.г.—25 №№.
- А. Е. Кудряшева—в Бежецком у., Тверской губ., в 1922 г.—67 №№.
- М. М. Серова—в Новгородской и Ярославской г.г.—30 №№.
- Студенты Педагогического Института имени Герцена: Петрова—в Могилевском у., Гомельской губ., в 1924 г.—31 №№; Егорова—в Ржевском у., Тверской губ., в 1923 г.—1 №; Галанина—в Буйском у., Костромской губ., в 1924 г.—6 №№ (материалы хранятся у Н. П. Андреева); Останина в Никольском у., Северо-Двинской губ., в 1924—25 г.г.—10 №№ (материалы хранятся у Н. П. Гринковой).
- Н. М. Элиаш—в Старорусском у., Новгородской губ.—50 №№.
- В. И. Чернышев имеет из разных великорусских губерний сказки, записанные с 1897 г. и находящиеся в рукописи в количестве 227 №№.

Сибирь (Иркутский Университет).

- М. К. Азадовский имеет готовый к печати 2-й выпуск верхненленских сказок; летом 1925 г. записал около 20 сказок в селениях Тункинской долины.

- Г. С. Виноградов (Иркутский Университет) имеет в рукописи около 30 записей сказок и рассказов о сказочниках из Приангарья.
- А. А. Савельев (Красноярский музей) имеет большое собрание ангарских сказок из Енисейской губ.
- В. А. Малаховский (Иркутский Университет) около 10 современных текстов из селений, расположенных вблизи озера Байкала.

Украинские сказки ¹⁾

В Киеве собиранием украинских сказок и легенд занимались члены и корреспонденты Этнографической комиссии при Украинской Академии Наук. (Председатель комиссии академик А. М. Лобода, секретарь В. П. Петров). Из членов комиссии записывали—П. Н. Попов сказки и легенды в Путивльском у., бывш. Курской губ.; В. В. Билий в Переяславском у. (65 №№ сказок и рассказов); В. П. Петров—легенды в Киеве, среди приходящих из разных мест Украины в Киево-Печерскую лавру богомольцев, и в Полтавской губ.; А. І. Онищук—сказки в Киевской губ.; В. В. Кравченко—легенды на Волыни, особенно новые легенды об обновлении икон, о чудесах в Асафатовской долине и при Калиновском Кресте; Н. Дмитрук—на Волыни же. Из корреспондентов Комиссии: Л. М. Юркевич производил записи в Одесской губ.; Р. Р. Рачук в Броварах, В. Ф. Покальчук в Черкассах, М. Афанасьев в Запорожье, А. Кудрицкая в Умани, В. Гезе в Вышгороде. Часть собранных легенд уже напечатана в № 1 издаваемого комиссией журнала „Етнографічний Вісник“, в статьях Ол. Пчілки „Українські народні легенди останнього часу“ и Н. Дмитрука „Про чудеса на Україні року 1923-го“.

В Харькове записыванием украинских и великорусских сказок занимались ученики проф. Д. К. Зеленина, студенты бывш. Харьковского Университета, Академии теоретических знаний и Института Народного Образования. В распоряжении проф. Д. К. Зеленина имеются записи 29 украинских сказок и 19 южно-великорусских; в том числе 12 украинских сказок записал Н. К. Карамушко в с. Песочин, Харьковского у., 5 украинских сказок Ф. Г. Петровская и З. В. Мокошеева в с. Кульбаки и Глушково, Рыльского у., бывшей Курской губ., 10 сказок Ф. Г. Мархасеева от богадельных старух в гор. Полтаве и 2 сказки Т. Д. Иванова в богадельне же гор. Валки. В числе великорусских сказок 2 записала О. Царевская в с. Райгородке, Старобельского у.; 1 Д. К. Зеленин в с. Боровом, Змиевского у.; 5 А. Попов в деревне Каменке, Обоянского у.; 4 М. Ф. Леонова в с. Дрокове, Ливенского у.; 5 М. А. Иванова в деревне Милованье, Волоколамского у. и 2 В. Овсянников в с. Сысой, Сапожковского у.

¹⁾ Сообщено проф. Д. К. Зелениным.

Белорусские сказки

А. К. Сержпутовский записал в 1924—25 г.г. в Слуцком у., Минской губ. 60 №№ сказок и в Горецком у., Могилевской губ. 15 №№ сказок.

Сказочная Комиссия предполагает опубликовать краткий перечень сказок, записанных в других местах СССР по мере поступления сведений, с просьбой о чем обращается ко всем лицам, имеющим таковой материал.

Об учете сказочников и собирателей

ИНСТРУКЦИЯ

по учету сказочников и собирателей

Образцы карточек, выработанные Сказочной Комиссией Русского Географического Общества, служат для регистрации материалов, хранящихся в рукописном виде. При заполнении карточек необходимо иметь в виду следующее:

1. Собираение биографических сведений о сказочниках не должно носить характера анкеты.

2. Необходимо давать краткие, точные ответы на все вопросы, входящие в состав карточки; в пункте б карточки желательно указать, где учился.

3. В случае невозможности ответить на все вопросы, необходимо сообщить имеющиеся сведения.

4. Описание сказочного репертуара должно быть полным, т.-е. необходимо перечислить все сказки данного сказочника, как записанные, так и незаписанные, отметив последние звездочками.

5. При перечне сказок желательны ссылки на соответствующие номера сказок в следующих сборниках: Афанасьева (А), Зеленина (З), Ончукова (О), Соколовых, Садовникова (С), Романова (Р), Добровольского (Д), Рудченко (Рд), Чубинского (Ч) и т. д.; в случае невозможности этих ссылок, следует приводить местное название и кратко содержание сказки (не длиннее 5 строк).

6. Регистрации подлежат как профессиональные сказочники, так и рядовые передатчики сказок.

7. При заполнении карточек для собирателя необходимо точно указать район работы, учреждение, с которым связана работа данного лица, адрес этого учреждения, адрес самого собирателя, место хранения материалов.

8. Желательно аккуратное заполнение обратной стороны карточки (указание имен сказочников, от которых собиратель записывал сказки).

9. При регистрации собирателей следует заносить на карточки, как имена специалистов, так и лиц, которые произвели незначительное количество записей (школьные работы не подлежат ведению комиссии).

Упоминая о большом научном и общественном значении дела собирания фольклора, Сказочная Комиссия Русского Географического Общества обращается к собирателям с призывом не оставлять этого дела: записывать произведения устного народного творчества от старого поколения, а также фольклор современной деревни, дающий яркое представление о материальной и духовной жизни современной деревни.

Сказочная Комиссия будет признательна всем собирателям за присланные материалы, составление карточек по учету, указания и запросы.

Адрес Сказочной Комиссии: Ленинград, Демидов пер., д. 8-а, Русское Географическое Общество, Сказочная Комиссия.

Карточка для учета сказочников

1. Фамилия, имя, отчество, прозвище.
2. Национальность, на каком языке говорит с детства.
3. Место жительства: губерния, уезд, волость, деревня. Место рождения. Коренной житель или пришлый. Откуда переселился.
4. Возраст, год рождения.
5. Семейное положение (кратко).
6. Грамотность. Читал ли сказки? где и от кого перенял?
7. Занятие.
8. Живал ли в городе, был ли на военной службе?
9. Когда, где и кем производились записи?

Оборот

1. Описание сказочного репертуара: перечисление всех сказок, входящих в репертуар данного сказочника, записанных и не записанных.

2. Замечания о том, знаком ли сказочник с другими видами устного творчества: знаком ли с песенным репертуаром, знает ли заговоры, причеты и т. п.

Карточка для учета собирателей

1. Фамилия, имя, отчество, год, место рождения.
2. Национальность.
3. Образование, специальность.
4. Профессия.
5. Научное учреждение, где работает.
6. Когда начаты записи, в какие годы и где производились.
7. Какие виды устного творчества записывал? работает ли индивидуально или коллективно?
8. Печатные труды по сказке (если нет печатных, что приготовлено к печати?).
9. Место, где хранятся материалы?
10. Адрес.

О б о р о т.

1. Имена сказочников, от которых собиратель записывал сказки, с точным обозначением губернии, уезда, волости, деревни и времени записи.

Образец заполнения

КАРТОЧКА

для учета сказочников

1. Артамонова, Катерина Герасимовна— Артамониha.
2. Русская, русский язык.
3. Новгородской губ., Старорусского уезда, Черепчицкой вол., село Рамушево. Коренная жительница, родом из соседней деревни Кобылкина.
4. 44 года, род. в 1880 г.
5. Замужняя, 7 чел. детей.
6. Неграмотная.
7. Крестьянство.
8. В городе не жила.
9. Записи производились в с. Рамушеве в 1920—1924 г.г.
Н. М. Элиаш.

О б о р о т

- 1) 1. Сказка про Ивана-царевича (прототип сказки о Царе Салтане).
2. Иванушка-дурачек.
3. Доронюшка.
4. Сказка типа пошехонских рассказов.
5. Сказка про Маланью (как ее перекрестили солдаты).
6. О пустынноике, впавшем в искушение.

7. Жена—обманщица.

8. Оклеветанная жена.

(все сказки записаны).

II) Знает причеты (причет об умершей дочке), заговоры, помнит долгие песни и частушки.

Система Аарне и каталогизация русских сказок.

Одной из ближайших и насущнейших задач в изучении русской сказки является составление каталога сказочных сюжетов с указанием всех русских вариантов каждого сюжета; такой каталог, не говоря уже о приведении в систему опубликованного материала, облегчает возможность регистрации и выяснения материала неопубликованного, хранящегося в рукописях. Попытки каталогизации делались уже не раз, но обычно являлись весьма неполными или незаконченными¹⁾, и только работа финского ученого Antti Aarne „Verzeichnis der Märchentypen“ (в издании Международной Федерации Фольклористов „Folklore Fellows Communications“ = FFC, № 3, Helsinki 1911) дает законченную систему, основанную на изучении громадного сказочного материала. Вот почему Сказочная Комиссия решила положить в основу каталогизации русских сказок именно систему Аарне, хотя и не считает эту систему совершенной.

Каталог Аарне построен следующим образом. Каждый сказочный сюжет, изложенный возможно более кратко, получает свой порядковый номер. Весь сказочный материал подразделен на три группы: I—сказки о животных (№№ 1—299), II—собственно сказки (№№ 300—1199); здесь, в свою очередь, четыре отдела: А—волшебные сказки, В—сказки-легенды, С—сказки-новеллы, О—сказки о глупом чорте или великане, III—анекдоты (№ 1200—1999). Для удобства отыскания соответствующих сюжетов внесено дальнейшее дробление, и внутри каждой группы сказки располагаются тематическими семействами. Если опустить самые мелкие подразделения, получится следующая таблица:

I. Сказки о животных.

1— 99. Сказки о диких животных (1—69—лиса; 70—99 проч.)	200—219. Домашние животные.
	220—274. Птицы, рыбы.
	275—299. Прочие животные.
100—149. Дикие и домашние животные.	
150—199. Человек и дикие животные.	

¹⁾ См. J. G. von Hahn. Griechische und albanesische Märchen. Leipzig, 1864. G. L. Gomme. The Hand book of Folklore. London, 1890.

П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896.

А. М. Смирнов. Систематический указатель тем и вариантов русских народных сказок—„Известия отделения русского языка и словесности Академии Наук“. XVI 4, XVII 3, XIX 4.

II. Собственно сказки.

А. Волшебные сказки (300—749).

300—399. Чудесный противник.	560—649. Чудесный предмет.
400—459. Чудесный супруг (супруга).	650—699. Чудесная сила или уменье.
460—499. Чудесная задача.	700—749. Прочие чудесные мотивы.
500—559. Чудесный помощник.	

В. Сказки-легенды (750—849).

Среди них выделены:

750—779. Награда и наказание.	800—809. Человек на том свете.
780—789. Правда выходит наружу.	810—914. Запроданный чорту.

С. Сказки-новеллы (850—999).

Имеются группы:

850—869. Герой женится на царевне.	910—914. Добрые советы.
870—879. Девушка выходит за царевича.	920—929. Умный юноша (девушка).
880—899. Верность и невинность.	930—949. Сказки о судьбе.
900—904. Исправление жены.	950—974. Разбойники и воры.

О. Сказки о глупом чорте (великане и т. п.) (1000—1199).

1000—1029. Договор о службе.	1115—1129. Попытки убить.
1030—1059. Совместная работа человека с чортом.	1145—1154. Напуганный чорт.
1060—1114. Состязание человека с чротом.	1170—1199. Человек записывает чорту душу.

III. Анекдоты.

1200—1349. Пошехонцы.	1525—1874. Мужчины.
1350—1439. Супруги.	1525—1639. Хитрецы.
1440—1524. Женщины.	1640—1674. Счастье по случаю.
1450—1474. Выбор невесты.	1675—1724. Дураки.
1475—1499. Старые девы.	1725—1874. Попы.

1875—1999: Небылицы.

2000 и далее: разные дополнения.

При отнесении к той или иной группе (почти всегда, конечно, несколько условно) принимается во внимание, кому из действующих лиц или какому мотиву принадлежит главная роль [напр., сказка „Собака и дятел“ (Афанасьев, № 32) относится к группе „Птицы“, а не к группе „Домашние животные“, и получает № 248]. Некоторые сказки могли бы быть отнесены к различным группам с более или менее одинаковым основанием; такие сказки получают определенный номер в одной из групп, а в других случаях лишь отмечаются, не получая нового номера [напр., сказка „Звериное молоко“ (Афанасьев, № 118) отнесена в группу „Чудесный противник“ под № 315, но отмечается также после № 540 в группе „Чудесный помощник“]. При отдельных номерах даются по возможности указания на аналогичные или родственные сюжеты [например, к сказке о подмененной невесте или жене (Афанасьев, №№ 147, 148), значащейся под № 403, указаны в качестве родственных № 450 (Афанасьев, № 146: „Сестрица Аленушка и братец Иванушка“), № 510 (Афанасьев, № 162: „Золотой башмачек“) и др.

В нумерации сказок оставлены пропуски (напр., за № 9 следует сразу 15 и т. п.), чтобы с привлечением новых материалов можно было вводить новые номера. (Вследствие этого в основном каталоге Аарне фактически имеется лишь 540 различных сюжетов). В тех случаях, когда пропусков нет, можно вновь вводимые сюжеты обозначать теми же номерами с прибавлением звездочки (напр., за № 855 введен был 855*) или римских цифр (например, я ввожу №№ 61 I и 61 II между 61 и 62). Значительно различающиеся вариации одного и того же сюжета (или близко родственных сюжетов) обозначаются буквами А, В и т. д.

Каталог Аарне отличается несомненными достоинствами, которые делают его до сих пор незаменимым. Опираясь на богатый материал, Аарне дает весьма обширный перечень сказочных сюжетов, при чем имеет в виду именно целостные сюжеты, а не мотивы и темы (в отличие, например, от П. В. Владимирова, указывающего под № 21 „Превращение“—общий сказочный мотив, и т. п.). Сюжеты обычно достаточно четко и точно формулируются и строго различаются (в отличие от многих исследователей, нередко путающих более или менее сходные сюжеты). В целом система Аарне достаточно проста, практична (можно сказать, портативна—в отличие, например, от очень громоздкой системы А. М. Смирнова, приближающейся к исследованию) и интернациональна, так как легко может быть применена ко всякому сказочному материалу, допуская возможность дополнений и изменений. В настоящее время имеется уже ряд каталогов, выполненных по системе Аарне: каталог финских сказок (FFC 5 и дополнительный—FFC 33), сказок финляндских шведов (FFC 6), эстонских (FFC 25), фландрских (FFC 37), норвежских (FFC 46) и лапландских (FFC 60). Выполненный по иной системе каталог чешских сказок (FFC 34; к сожалению, пока опубликована лишь первая часть) снабжен указателем по системе Аарне; такими же указателями снабжены некоторые вновь выходящие сказочные сборники (в том числе—берлинское издание сказок Афанасьева, на русском языке), а также указания соответствующего характера даются в некоторых

рецензиях (напр., в „Zeitschrift des Vereins für Volkskunde“). В связи с этим особенно важно систематизировать русский материал именно на основе каталога Аарне: единая интернациональная система позволит нам легко производить поиски иностранного материала и сравнивать иностранный репертуар со своим, а с другой стороны—и наш каталог такого типа легко может быть усвоен западной наукой (и в частности, легко найдет место на страницах „Folklore Fellows Communications“).

Несомненно, однако, и то, что каталог Аарне, как предвидел и сам автор его, не является совершенным вообще, а в применении к русскому материалу—в особенности. Можно было бы спорить уже против самого деления народных рассказов на сказки о животных, собственно сказки (с подразделением их на четыре отдела) и анекдоты (не говоря уже о том, что в отдельных случаях отнесение сюжета к той или иной группе у Аарне особенно сомнительно): ведь, иногда один и тот же по существу сюжет в различных вариантах то является животной сказкой, то какой-либо иной [сам Аарне указывает, например, известную сказку „Тебе вершки, мне корешки“, в которой то фигурируют мужик и медведь, то—мужик и чорт; сказка „Колдун и три сестры“ (Синяя Борода) у нас встречается только, повидимому, в виде „Медведь и три сестры“ и т. п.]. Можно спорить, далее, против порядка размещения сказочных сюжетов и пытаться выработать более удачную и рациональную систему тематической группировки, которая позволяла бы легче находить определенный сюжет (в каталоге Аарне приходится иногда пересмотреть несколько отделов, прежде чем выяснится, куда должна быть отнесена та или иная сказка).

Можно спорить против непоследовательной замены сюжетов мотивами по отношению к сказкам о глупом чорте {здесь Аарне под отдельными номерами дает перечень отдельных мотивов, которые обычно входят в одну сказку, например: 1063—кто дальше закинет дубинку; 1071—кто кого поборет (герой указывает чорту медведя); 1072—кто кого перегонит (герой выпускает зайца) и т. д.}. Аарне объясняет эту непоследовательность практическими соображениями (тем, что соответствующие сказки обычно представляют собой калейдоскопически изменчивые комплексы), но затруднение можно было бы преодолеть иначе, не нарушая целостности системы, например, обозначив отдельные мотивы буквами при одном и том же номере¹⁾.

Но теоретическая переработка каталога Аарне не должна мешать практическому применению его до тех пор, пока новая система не будет выработана и принята, как лучшая. Однако, это практическое применение затрудняется по отношению к русскому материалу двумя недостатками, которые должны быть устранены теперь же. Во-первых, каталог Аарне не заключает в себе довольно многих сюжетов, более или менее распространенных в русской сказочной словесности. Иногда это совершенно особые сюжеты [например, известная сказка

¹⁾ Отмечу кстати, что поставлен на очередь и вопрос о каталоге тем и мотивов; ср. А. Christensen. Motif et thème. Plan d'un dictionnaire des motifs de contes populaires, de légendes et de fables FFC 59, Helsinki. 1925).

„Кот, петух и лиса“, которую я обозначаю № 61 II, или сказка „Борма-ярыжка“—№ 485, по моему обозначению, или сказка на тему „Кто лучший друг человека“ (см. сборник братьев Соколовых, № 99)—мой № 894, или сюжет „О госте Терентии“ (сборник бр. Соколовых, № 90; имеется этот сюжет и у бр. Гриммов)—мой № 1361 и т. д. и т. д.), иногда, быть может, лишь вариации сюжетов, отмеченных у Аарне [укажу например, известную сказку „Морозко“, которую можно причислить к типу 480, как особую разновидность—480В; или, например, рассказ „Как мужик попов хоронил“ (см. сборник бр. Соколовых, №№ 33, 87,—известный средневековый сюжет „Les trois bossus menestrels“)—разновидность типа 1730, и т. д. и т. д.]. Таким образом, каталог Аарне необходимо дополнить [сам Аарне внес много дополнений в каталоге эстонских сказок (FFC 25); кроме многих отдельных номеров, он дал еще два новых каталога: „Легенды о происхождении“ (Ursprungssagen) и „Предания“ (Sagen); эти каталоги в дальнейшем также должны быть использованы].

Во-вторых, в некоторых случаях формулировка сюжетов у Аарне неудачна или неясна, и ее необходимо изменить, приспособив к русскому материалу (в частности, типично-немецкие заглавия сказок нужно заменить русскими). Например, тип 530 дан у Аарне в следующем виде: „Принцесса со стеклянной горы: юноша скачет на гору и получает принцессу (в разных соединениях, часто со сказкой о победе над змеем)“. Это—наша сказка „Сивко-бурко“ (Афанасьев, 105), но содержание ее можно передать точнее и лучше. Тип 531 у Аарне таков: „Умная лошадь помогает юноше; служба у короля; он добывает королеву, берет по совету лошади с собой мясо, хлеб и т. д., благодаря чему добывается помощи разных животных“. Это—наш „Конек-Горбунок“ (Афанасьев, 103); опять-таки можно дать более ясную и точную формулировку. Тип 572* совершенно неясен: „Лающая собачья голова, топор-саморуб и т. д.“ (правда, это—пример из дополнительных, а не основных номеров), а тип 1940, например, совершенно невразумителен: „Странные имена: двор, где животные и предметы имеют странные имена“. Вряд ли кто догадается, что здесь имеется в виду хорошо известный у нас анекдот (почему он попал в отдел „Небылицы“?) о том, как хозяин называл солдату огонь красотой, кошку—чистотой, крышу—высотой, и как солдат поджег дом (Афанасьев, 249 ааа, www и др.)! Таким образом, каталог Аарне необходимо изменить.

В заключение маленькая иллюстрация—перевод на систему Аарне сказок сборника М. К. Азадовского „Сказки Верхнеленского края“ (Иркутск, 1925). При неточном соответствии я заключаю номер каталога Аарне в скобки, при контаминации двух и более сюжетов указываю два (и более) номера, подчеркивая преобладающий. Знак * указывает на дополнительные номера самого Аарне, X—мои дополнения.

Азадовский—Аарне.

- № 1—313В (начало), 302 (Кошечья смерть).
- № 2—707 (Царь Салтан).
- № 3—725 (Нерасказанный сон).

- № 4—**325**, 725 (Хитрая наука).
№ 5—315А (Звериное молоко).
№ 6 313А (начало), **315А**, 300А (Звериное молоко).
№ 7—301А (Три царства: золотое, серебряное, медное).
№ 8—301А (Три царства).
№ 9—567 (Волшебная птица).
№ 10—Х465 I. **329** (Елена Премудрая).
№ 11—560 (Чудесное кольцо).
№ 12—(401), 569 (Двенадцать молодцов из табакерки).
№ 13—Х931 I (Страдать лучше смолоду),
№ 14—550 (Иван-Царевич, Серый волк и Елена Прекрасная).
№ 15—**461**, 930 (Марко богатый).
№ 16—Х443В (Сиди-Нуман).
№ 17—Предание (о мертвце).
№ 18—Х992 (Купеческая дочь и дворник).
№ 19—882 (Спор о верности жены).
№ 20—**955**, 955* (Жених разбойник).
№ 21—Х860 (Министрова жена).
№ 22—**1539**, X 1730В (Шут).

Н. И. Андреев.

Библиография сказки на русском языке с 1917 года.

- Смирнов, А. М. Сборник великорусских сказок из Арх. Геогр. Об-ва. Вып. 1 и 2. Записки Р. Геогр. Об-ва по Отд. Этногр. т.т. XLIV—1 и XLIV—2. Петроград. 1917.
- Федорченко. Несколько легенд о войне в книжке „Народ на войне“. Москва. 1922 г.
- Озаровская, О. Э. Сказки в статье „Из дневника фольклориста“. „На Северной Двине“. Сборн. Архангельск. Об-ва Краевед. Архангельск. 1924, стр. 4—18.
- Шергин, Б. В. „Северные сказки“. „На Северной Двине“. Сборн. Архангельск. Об-ва Краевед., стр. 62—73. Архангельск. 1924.
- Б., Н. Н. Змей-князек. Сарапульская легенда. Изв. Об-ва изуч. Прикамского края. Сарапул, Вятской губ., 1917, в. 1.
- Васильев, I., священник. Вятские легенды о Сурьме и Пунье. Изв. Об-ва изуч. Прикам. края. 1917, вып. 1. Сарапул, Вятской губ., стр. 73—74.
- Азадовский, Марк. Предания в статье „Легенда о Шапове“. Сибирская Живая Старина. Вып. 2. Иркутск. 1923.
- Азадовский, Марк. Сказки Верхоленского края. 22 сказки. Н. Винокуровой. Сибир. Жив. Стар. в.в. 2—3—4 и отд. оттиск. Иркутск. 1924—25.
- Азадовский, Марк. Легенды „о войне и голоде“ в „Беседах собирателя“. Иркутск. 1925, стр. 54—57.

- Баторов, П. П. и Подгорбунский. Бурятская легенда в ст. „Из бурятского фольклора“. Сибир. Жив. Стар., в. 3—4. Иркутск. 1925.
- Бестужев, Н. Три бурятских сказки. Сибир. Жив. Стар., в. 3—4. Иркутск. 1925.
- Виноградов, Г. С. Легенды о голоде, конце света, антихристе и др. в работе „Этнография и Современность“. Сибир. Жив. Стар, в. 1, стр. 12—14. Иркутск. 1923.
- Виноградов, Г. С. Несколько легенд о смерти, загробной жизни и пр. в работе „Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири“. Труды професс. и преподав. Иркутск. Универ. Вып. 5 и отд. оттиск. Иркутск. 1923.
- Пекарский, Э. Предания о том, откуда произошли якуты. Сибир. Жив. Стар. Вып. 3—4. Иркутск. 1925.
- Черных, П. Я. Сказка в статье „Русские говоры Мамырской вол., Тулунского уезда, Иркутской губ.“. Труды професс. и преподав. Иркутск. Ун. Вып. 5 и отд. оттиск. Иркутск. 1925.
- Карганов, С. Г. Из народных преданий и обычаев Осетии. Изв. Кавказск. Отд Русск. Геогр. Об-ва. Том XXIV. 1916.
- Булгаков, Т. И. Чувилья. Катериночка. Две сказки о животных и три исторических предания, запис. А. С. Машкина в статье „Схематич. обзор Курского края в этнографич. отношении“. Курский край. Краевед. сборн., с. 112—113 и 122. Курск. 1925. Сказка. Изв. Об-ва изуч. Карелии. № 1. 1924.
- Рудометов, И. И. Тайна болот. Сборн. „Каргопольский край“. 1919.
- Пятницын, П. Предания (3) моих отцов. „Каргопольщина в прошедшем и настоящем“. 1924.
- Смирнов, Вас. Легенды о войне, в статье „Отношение дерев. к войне“. Труд Костромск. Н. Об-ва изуч. местн. края. Вып. 5. Кострома. 1914.
- Завойко, К. Четыре легенды, в статье „В Костромских лесах на Ветлуге реке“. Труды Костромск. Н. Об-ва. Вып. 8. Кострома. 1917.
- Горький, М. Сказание о граде Китеже („В людях“). Петроград. Изд. „Парус“ 1918, стр. 68—69.
- Короленко, В. Г. Легенда о граде Китеже („В пустынных местах.— Из поездки по Ветлуге и Керженцу). М. 1918.
- Зимин, М. М. 36 сказок-анекдотов в статье „Ковержинский край“. Труды Костромск. Н. Об-ва по изуч. местн. края. Вып. 17. Кострома. 1920.
- Смирнов, В. И. Клады, Паны и разбойники. Труды Костромск. Н. Об-ва изуч. местн. края. Вып. 26. Кострома. 1921.
- Марков, Д. А. Предание о Ветлуге в статье „Ветлужский край“. Изд. Ветлужск. Об-ва изуч. местн. края. Ветлуга. 1922.
- Ширский, А. А. 27 легенд Ветлужского края. Труды Костромск. Н. Об-ва изуч. местн. края. Вып. 29. 3-й этнографич. сборник. Кострома. 1923, стр. 6—16.
- Смирнов, Вас. Потонувшие колокола (о граде Китеже). Труды Костромск. Н. Об-ва изуч. местн. края. Вып. 29. 3-й этнограф. сборн. Кострома. 1923, стр. 1—4.

- Смирнов, В. а. Чорт родился (Творимая легенда). Труды Костром. Н. Об-ва изуч. местн. края. 3-й этнограф. сборник. Вып. 29. Стр. 17—20. Кострома. 1923.
- Голубинский, Е. Е. Рассказ о том, как нечистая сила завела дьякона („Воспоминания“). Тр. Костром. Н. Об-ва. Вып. 30. Кострома. 1923.
- Серова, М. М. Новгородские сказки (11 сказок). Ленингр.—Москва. 1924.
- Серова, М. М. Сборник русских сказок (20 сказок). Ленинград. 1925.
- Мелков, А. Л. 9 киргизских сказок. Труды Н. Об-ва изуч. Киргизского края. Оренбург. 1925, стр. 1—23.
- Орешин, П. Сборник творчества народов СССР. Библиотека „Красной Нивы“. Москва. 1924.
- „ Легенды о войне. „Красная Ночь“. 1924, № 5.
- Смирнов, М. И. Старые боги (легенды). Там же: На Клещине-озере и о Берендееве болоте (Стихи легендарного содержания). Докл. Пер.-Зас. Н. пров. об-ва № 4. Переславль-Залесский. 1919.
- Смирнов, М. И. и Логинов, П. И. 5 сказок-легенд. Докл. Переславль-Залесского Н.-просв. Об-ва. Вып. 2. Переславль-Залесский. 1923, стр. 25—30.
- Исполатова, Е. Три псковских легенды. Сборн. Псков. Об-ва Краевед. Вып. 1. 1924.
- Три легенды и два стихотворен. на легендарн. темы. „Познай свой край“. Сборн. Псков. Об-ва Краевед. Вып. 2. Псков. 1925.
- Маркелов, М. Т. Легенды и 11 сказок в статье „Саратовская мордва“. Саратовский этногр. сборн. Вып. 1. Саратов. 1922, стр. 139—161.
- Карыгин, Г. Неволинские предания. Кунгурско-Красноуфимский край. № 2, гор. Кунгур, Уральской обл. 1925, стр. 7—8.
- Мауэр, Г. О чудских городищах. Кунгурско-Красноуфимский край. № 2, г. Кунгур. 1925, стр. 8.
- Дмитрук, Никонор. 28 легенд в статье „Чудеса на Україні“ року 1923. Етнографічний Вісник. у Києві. 1925, стр. 50—61.
- Пчілка Олена. Українські народні легенди останнього часу. Етногр. Вісн. у Києві. 1925, стр. 41—49.
- Афанасьев, А. Н. „Народные русские сказки и легенды“. Берлин. 1922 г. Под редакцией Левис оф Менар. Издательство И. П. Ладженикова. 251 номер сказок и легенд; под каждым из них по большей части по одному, лучшему, по мнению редактора, варианту, но там, где можно предполагать у читателя особый интерес к ним,—приводится два-три варианта. При издании очень ценным является указатель вариантов сказок Афанасьева в позднейших после Афанасьева сборниках сказок, главным образом, со ссылками на работы А. М. Смирнова, Больте-Поливки, Аарне и др. К величайшему сожалению, в указатель этот по причине войны не вошли сборники „Пермских“ и „Вятских“ сказок Д. К. Зеленина, бр. Соколовых, 2 тома сказок из АГО и др.
- Федорченко, С. Легенды о царе Николае, Николае Николаевиче и др., в статье: „Из книги Народ на войне“, ч. II-я „Красная

Новь“ 1924 г., кн. 5, стр. 8—35. Легенды эти, как и легенды I-й части книжки того же автора „Народ на войне“, очень сомнительны: если это и действительно народное творчество, то во всяком случае в сильной степени „стилизованное“, деликатно выражаясь.

Войтловский, Л. Четыре солдатские сказки „Из книги по следам войны“. Красная Новь“. 1923 г., кн. 5, стр. 133-139. Характеризовать можно эти сказки так же, как и произведения С. Федорченко.

Памятники народного творчества Осетии. Нартовские народные сказания. Вып. 1. Издание Осетинского Научно - Исследовательского Института. Владикавказ. 1925. 21 сказание с записей 60—70 г.г. XIX в.—22-е сказание о пророке Алие не напечатано, как якобы „неинтересное“. 30 лет рукопись лежала у Вс. Ф. Миллера, затем у Николая Братаева и только нынче увидела свет.

Смирнов, М. И. Этнограф. материалы по Переяславль-Залесскому уезду Владимирской губ. Сказки и песни. Изд. Агрономической службы северных жел. дорог. Москва 1922. От стр. 72 до 98—легенды (числом 6) и сказки (10).

Н. Е. Ончуков.

Обзор работ о сказке и легенде на русском языке за 1917—1925 годы.

Революционные события в России в отношении изучения сказки, повидимому, также имели свои специальные последствия. С одной стороны, надо отметить за этот период почти полное отсутствие крупных исследований о сказке на русском языке—явление, объясняющееся трудностями издательского дела. Работы даже русских ученых переносятся за границу и печатаются на иностранных языках. С другой стороны, волна краеведческого движения, охватившая Союз, порождает очень обильные провинциальные потуги разобраться в местном материале сказки, легенды и мифа, издать этот материал и как-то осветить его. Эти потуги носят иногда трогательно-наивный характер (вроде работы Грена о Зырянской мифологии) и с точки зрения научной проходят в лучшем случае в сфере методологии Гриммов и Афанасьева, т. е. начальной эпохи науки о фольклоре. Но самый факт большого подъема интереса в данном направлении, конечно, должен быть констатирован как отрадное явление, как предвестник грядущего расцвета. Приводимый обзор работ о сказке и легенде не претендует на полноту, хотя в него попал целый ряд работ и провинциальных.

Начну с библиографических указателей. Их появилось за указанное время довольно немало. Таковы: *Н. Бродский, Н. Гусев, Н. Сидоров.* Русская устная словестность. Ленгр. 1924.

Р. Якобсон—П. Богатырев, Славянская филология в России за годы войны и революции (отт. из журн. „Slavia“) 1923. *М. Азадовский*, Литература по этнографии Сибири за последнее десятилетие XIX в. (Сиб. Жив. Стар. 1924, II). *М. Азадовский*, Сибирские темы в изучении русского устного творчества. (Сборн. Трудов Иркутск. Госуд. Универс. 1925, вып. 9). *М. Слободский*, Литература по этнографии Сибири в этнолого-географических повременных изданиях 1901—1917 г.г. (Сиб. Жив. Стар. 1925, 3—4, стр. 217—240). *П. П. Хороших*, Указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности (Сиб. Ж. С. 1923, I, стр. 154—178). *В. Перети*, Краткий очерк методологии истории русской литературы. 1922 (на стр. 134—136 библиогр. сказки и легенды). *Он же*, Новые труды по источниковедению и истории древней русской литературы (Журн. Мин. Нар. Просв. 1917, № 1, ст. 1—40). *Он же*, История древней русской литературы в работах русских ученых 1917—1923 г. („Slavia“. 1924. Росп. III, ses. 2—3; 1925—росп. III, ses. 4). *Н. Пиканов*, Старорусская повесть. М. 1923. *В. Смирнов и Н. Уминов*, Материалы по библиографии Костромского края. Кострома. 1925, вып. 2, 2: Этнография. *Н. Г. Оуринов*, Опыт местной библиографии. Ярославский край (1718—1924), с предисловием проф. В. Н. Бочкарева. Ярославль. 1924; Под ред. *Б. М. Городецкою*. Библиография Кубанского края. Екатеринодар. (Труды Совета Обследования и изуч. Кубанск. края), т. I, вып. 1 и 2, 1918, в. 3 и 4 1919. *А. В. Бацрий*, Материалы для библиографии Азербайджана, вып. 2 (этнография, словесность, просвещение). Баку. 1924. *П. П. Хороших*, Якуты. Опыт указателя историко-этнологической литературы о якутской народности. Иркутск. 1924. *А. Н. Попов*, Указатель литературы по Архангельскому краю. Архангельск. 1924. *В. П. Косованов*, Библиография Приенисейского края. т. II. Красноярск. 1923. Наконец, хотя и напечатанная на немецком языке, но работа русского ученого *Д. К. Зеленина*, Die russische (ostslavische) volkskundliche Förschung in den Jahren 1914—1924. (Zeitschr. f. slav. Phil. hsg. von M. Vasmer 1924 Bd I h. 1—2 s. 189—198, heft 3/4 1925. s. 419—429. Все названные работы дают в большей или меньшей степени библиографические материалы и о сказке.

Особо надо оговорить библиографические материалы, расклассифицированные по сказочным сюжетам в двух изданиях сказок. Первое—*А. Н. Афанасьев*, Народные русские сказки и легенды. Берлин. 1922, I—II (заметка о ней в „Slavia“ 1924, росп. III, ses. I, стр. 189). Второе—*М. А. Васильев*, Памятники татарской народной словесности. Сказки и легенды. Казань. 1924.

Вслед за библиографическими указателями надо отметить ряд работ, носящих программный характер, по собиранию сказок и легенд. Сюда относятся—напечатанная в 1917 г. третьим изданием „Программа для собирания произведений народной словесности“, составленная Комиссией по народной словесности при Этнограф. Отд. Общ. Люб. Естествозн., Антропол. и Этнограф. при Моск. Университете. Эта же программа переиздана в назв. сочин. Бродского, Гусева и Сидорова. *Русская устная словесность*, Л. 1924, стр. 141 и сл. *Программа* для собирания материалов по литературной деятельности в Воронежском крае. (Сост. А. М. Путинцев). Воронеж.

1924. Дальше идет „Программа до збирання оповідань, казок, переказів і прислів'їв (отг. из „Збірника Історично-Філологічного Відділу“ Укр. Акад. Наук. № 29, в. 1). 1925. *Д. К. Зеленин*, Программа для этнографического описания русских жителей Прикамского края (Изв. Общ. Изуч. Прикамского края. Сарапул. 1917, вып. 1). Краткая программа для собирання этнографических сведений и предметов (Псковск. Общ. по изуч. мест. края. Псков. 1923, 15 стр.); *Ирбитское* Общество по изуч. местного края, *Программа* и краткое наставление по собиранию материала, характеризующего районы Ирбитско-Туринского Округа. С. а. Ирбит, 24 стр.; *Руководство* по собиранию материалов по изучению Иваново-Вознесенской губ. Иваново-Вознесенск. 1924. *Анкета* по вопросу о влиянии революции на жизнь местного края. Кострома. 1918. *Вопросы* о народных верованиях и религиозном быте населения Костромского края. Кострома. 1921. *Краткие указания по записыванию сказок*. Изд. Костром. Научн. Общ. Кострома. 1916. *Памятка* для местных сотрудников Ленинградской экспедиции Этнографического Отдела Госуд. Русского Музея. Изд. Гос. Рус. Музея. 1925 г.; *А. Н. Дипский*, Собирайте сказки. Верхнеудинск. 1918, 32°, 21 стр.

Кроме того, вышел ряд статей, имеющих инструктивно-программное значение. Самая крупная из них и интересная принадлежит *Б. и Ю. Соколовым*. *Поэзия деревни*. Москва. 1926. и *М. Азидовскому*, *Беседы собирателя*. О собирании и записывании памятников устного творчества. Иркутск. 1924 и 2-е изд. испр. и доп. Иркутск. 1925. Дальше следуют: *А. И. Дзюс-Литовский* и *И. С. Абрамов*, *Познание местного края*. Л. 1925, стр. 77. *Н. Каринский*, *Собирание научных материалов, характеризующих этнографический перелом в Вятском крае во второй полов. XIX в. и нач. XX в.* („Вятская Жизнь“. 1923, № 2). *Г. Ариентов*, *О записывании произведений народного словесного творчества* („Кунгурско-Красноуфимский край“. 1925, № 2. Кунгур). *Инструкция* по учету сказочников и собирателей („Краеведение“. 1925, № 3—4, стр. 297—298). *Н. Е. Ончуков*, *Что и как записывать по народному творчеству*. („Краеведение“. 1925, № 3—4). *П. Богословский*, *О местных этнографических наблюдениях*. (Журн. „На третьем фронте“. Пермь, № 1). *Он же*, *О местных фольклористических и историко-литературных разысканиях*. („На третьем фронте“. Пермь, № 2—3). *Ю. М. Соколов*, *Материалы по народной словесности в общем масштабе краеведческих работ* („Вопросы краеведения“ 1923). *Он же*, *Место народной словесности среди краеведческой работы*. 1922. („Дневник Всеросс. Конференц. Научн. Общ. по изуч. местн. края, № 4, стр. 55—58). *Б. М. Соколов*, *Этнографическое изучение Саратовского края*. Саратовский сборник. Саратов. 1922, стр. 1—28. *Г. Виноградов*, *Детский фольклор и быт*. Иркутск. 1925. Все статьи подобного рода говорят с большим подъемом о необходимости широкой постановки собирательской и исследовательской работы на местах в области фольклора, в частности, сказки и легенды.

За истекший период появилось несколько кратких описаний фольклорного материала, хранящегося в записях собирателей. Укажу: *В. И. Юхельсон*, *Опись фольклорных и лингвистических материалов В. И. Юхельсона, хранящихся в Азиатском Музее Р. А. Н. I* (Азиатск.

Сборн. за 1918 г. 1979—2003, материал алеутский). *А. А. Рамаскевич, Persica*. Опись материалов по фольклору и диалектологии, собранных в Персии в 1912—1914 г.г. (Азиатский Сборн. за 1919 г. П. 1922, стр. 451—452). *Список монгольских рукописей, приобретенных от Б. Я. Владимирцова* (Азиатск. Сборн. за 1919 г., стр. 934).

Дальше надо указать, правда, очень немного работ историко-графического типа. Конечно, историография вводится во все общие курсы по народной словесности (о них ниже). Но, кроме того, надо отметить работы: *Б. М. Соколова*, Собиратели народных песен. (П. Киреевский, П. Якушкин и П. Шейн). М. 1923 (из них последние два, как известно, были собирателями также сказок). *М. Азадовский*, Николай Бестужев—этнограф. (Сиб. Ж. С. 1925, в. 3—4, стр. 11—40). *Н. Мошлянский*, Э. Б. Тайлор (некролог). (Журн. Мин. Нар. Просв. 1917, № 5, стр. 58—64).

Особенный интерес представляют работы по методологии и изучения сказки. Методологически-програмной является статья акад. *С. Ф. Ольденбурга*—Странствование сказки („Восток“, № 4). Компилятивную, но полезную сводку теорий о происхождении сказки делает *Н. Н. Бахтин*, К вопросу о происхождении сказки („Педагогич. Мысль“. Птгрд. 1918, кн. 1—2, стр. 73—92, кн. 3—4, стр. 50—68). В казанском, к сожалению, мало известном журнале „Новое Дело“, 1922, II, стр. 17—45—напечатана статья *Н. П. Андреева*—К методологии и технике изучения народной словесности, представляющая собой изложение с иллюстрацией собственными примерами известной работы Antti Aarne. Leitfaden der vergleichenden Märchenforschung. Helsingfors. 1913. Работа Aarne, представляющая символ веры самой сильной в настоящее время научной школы изучения сказок, нуждается в наилучшем переводе на русский язык. А до тех пор статья Андреева будет особенно полезна для всех занимающихся изучением сказки. Вопросы сравнительного метода затрагиваются в статье *Е. Аничкова*—Александр Веселовский („Slavia“. 1922, год I, ses 2, 302—315 и 1923 год I, ses 4, стр. 524—551). Вопросы сказочной технологии поднимает *Б. М. Соколов* в своей рецензии на Сборник великорусских сказок А. М. Смирнова, П. 1917 г. Рецензия напечатана в „Научных известиях“, М. 1922, сборн. 2, стр. 55 („Уголок русского сказочного мира“) и трактует принципы распределения издаваемого материала, принципы самого издания и т. п. Наконец, несомненный методологический интерес представляет статья талантливого дилетанта *В. Шкловского*—Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля (Сборник „Поэтика“. Петгрд. 1919, стр. 115—150). Автор выдвигает против теории заимствования теорию „особых законов сюжетосложения“, мысль, которая просачивается в научное сознание в последние годы довольно заметно; переиздана в сборнике: *В. Шкловский*, Теория прозы. М. 1925.

Перехожу к статьям о сказке и легенде в общих курсах по народной словесности. Такими являются книги: *М. Н. Сперанский*—Русская устная словесность. М. 1917, стр. 392—432 и 432—436, с библиографией на стр. 463—465, реценз. М. Грушевского („Украина“. 1924, № 3). *И. И. Замотин*—Русская народная словесность. Ростов н/Дону. 1919, стр. 151—168. *Соболев*—Введение в изу-

чение народной словесности. Орехово-Зуево. 1922. *Мих. Грушевський*. — История украинской литературы, т. I, ч. 1. У Львові. 1923, стр. 303-343, т. IV (о легенде). (Рец. В. Н. Перетца в журн. „Україна“. 1925, № 4). *Барвінський Олександр*—История украинской литературы, ч. I. Усна нар. словесность. У Львові. 1920, стр. 335—346. Наконец, сюда же относятся статьи *Ю. М. Соколова*—„Легенда“ и „Сказка“ в „Литературной Энциклопедии“. М. I, стр. 323—329 и II, 802—808 и *М. Сперанскою* в Энциклопедическом Словаре Т-ва Гранат и К°. 7 изд.

Наконец, обращаюсь к статьям специального характера по вопросам сказки и легенды.

Здесь нужно выделить несколько статей о сказочниках. Как известно, русская наука выдвинула мысль о необходимости изучения сказочника и народного певца. И эта научная традиция сказалась в ряде работ за последние годы. Так *М. Азадовский* предпослал своему изданию Сказок Верхне-Ленского края (Сиб. Ж. С. 1924, в. 2 и 1925, вып. 3—4), обстоятельную характеристику сказочницы Н. О. Винокуровой. *О. Э. Озаровская*—Бабушкины старины, 2-е изд. М. 1922 г.—описала знаменитую М. Д. Кривополенову. *Б. Соколов* выпустил книжку „Сказители“, с характеристикой известных рассказчиков былин, бывших в то же время, как известно, знатоками и сказок. *Н. Давыдов*—Из прошлого. М. 1917 г., II, стр. 18—говорит о сказочнице. *Квітка Климент*—выпустил литографир. книгу—„Професіональні народні співці й музиканти на Україні. Програма для досліді їх діяльності й побуту, Київ. 1924 (отт. из „Збірн. Істор.-філол. відділу Укр. Акад. Наук. № 13, вып. 2).

Дальше выделяю статьи, которые являются переизданиями старых статей. Таковы: *М. Сумцов*. Вага і краса української народної поезії. 2-е изд. Черкаси. 1917. *П. Л. Лавров*—Собр. сочинений. Статьи по истории религии, вып. 1, Петргр. 1918. Здесь напечатаны, между прочим, следующие статьи его: „Отзыв о книге Mannhardt. Die Götterwelt des deutschen und nordischen Völker, I“, „Развитие учения о мифических верованиях“, „О поклонении озерам и текучей воде и легенды о затонувших городах“, „Апокрифы“. *А. Н. Веселовский*—Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе. Птр. 1921, вып. 1. (Собр. соч., т. VIII, в. 1). Издание дополнено по рукописям покойного ученого. *В. Ф. Миллер*—Очерки русской народной словесности—т. III, М.-Л. 1924, где, между прочим, перепечатаны статьи: „Русские и инородческие предания о казанском походе Ивана Грозного“ (стр. 220-234), „К песням, сказкам и преданиям о Петре Великом“ (337—343).

По частным вопросам сказки и легенды литература за рассматриваемые годы значительна, но ценность ее различна. Хотя моя задача обзор литературы на русском языке, я считаю себя вправе начать обзор специальных статей с двух больших работ русских ученых В. Н. Андерсона и Н. П. Андреева, напечатанных, однако, на немецком языке. Бессспорно, что эти две работы наиболее крупные достижения в области изучения сказки и с фактической и с методологической стороны. W. Anderson, Kaiser und Abt. Helsinki 1923 (FFC № 42), VI + 449, 8°, дает образец блестящего применения метода финской школы к изучению анекдота об „Императоре и Аббате“ (автор закончил, таким образом, свою работу, начатую первым томом в Ка-

зани в 1916 г.). *Н. П. Андреев*. (Die Legende von den zwei Erzsündern. Helsinki. 1924, FFC № 54, 137 стр. 8°), ученик Андерсона, следует за ним на материале меньшего масштаба на легенде типа „панщины“. Третье большое исследование принадлежит *Р. М. Волкову*—Сказка, т. I, 1924. Разыскания по сюжетосложению народной сказки. IX, 238 стр., 8°. Автор рассматривает сказки о невинно гонимых, предпосылая рассмотрению обзор приемов сказочного стиля. Работа Волкова, проведенная только на национальном материале и без четко поставленной задачи, интересна не выводами, которых в ней нет, а попыткой подойти несколько своеобразно, чисто формально, к классификации обширного сказочного материала в СССР. На работу Волкова мне известны две рецензии: Р. Шор в „Печать и Революция“ в 1924 г., кн. 5, стр. 275—276 и С. Савченко в „Этнографічном Віснику“. Київ. 1925, кн. I, стр. 78—84. Дальше приводимые работы затрагивают в виде большего или меньшего размера статей отдельные сюжеты или стороны сказки и легенды. Перечисляю их в алфавитном порядке. *В. П. Адрианова*—Житие Алексея Человека Божия в древнерусской литературе и народной словесности. Пггр. 1917 г. касается и сказочных соответствий к сюжету об Алексее. Рецензии: Н. М. Петровский в „Изв. отд. р. яз. и сл. Акад. Наук. 1918, кн. 2, стр. 251—268. Д. К. Петров—Там же. 1919, кн. I, стр. 307—320. Мих. Грушевский—„Украина“. *М. Азадовский*, Легенда о Шапове (Сиб. Жив. Стар. 1923, I, стр. 59—71), рассматривает народные рассказы об известном историке А. П. Шапове. *Н. П. Андреев*—„Три старца“ Л. Толстого и родственные легенды („Новое Дело“. Казань. 1922, и отд.) приводит ряд параллелей к сказке Толстого. *В. В. Бартольд*. К сказке о хитрости Дидоны. (Сборн. Музея Антроп. и Этногр. II. 1918, V, вып. 1, стр. 149—151) дает сибирско-татарские версии о получении земли величиной с воловью кожу, в дополнение к известной статье В. Ф. Миллера на ту же тему. Дополнением к ней ст. *А. Н. Самойловича*. Сказка о хитрости Дидоны и Константинополь. (Азиатск. Сборн. из Изв. Р. Ак. Н. за 1918. П. 1921, стр. 571—576). *Г. Гельд*—Смерть великого Пана („Гермес“. 1918, т. XXIII, П. 1919, стр. 176—180) анализирует легенды об умирающем боге. *В. Клетнова*—Остатки змеиногго культа в пределах Смоленской губернии („Научные известия“, изд. Гос. Смоленским Университетом. 1924, II, обществ.-гуманит. науки, стр. 149—159) рассматривает некоторые легенды, связанные с культом змеи. Акад. *Н. Я. Марр*. Osetica-Japhetica. (Азиатск. Сборн. за 1918 г., стр. 2069—2100) дает очень интересное исследование о сказочном чудовище типа сирены-грифа у Кавказских народностей. *Он же*, Дополн. к этой статье. (Там же стр. 2307—2310). *А. А. Назаревский*—К истории русской народной сказки. Сказка о Рахе разбойнике. Киев. 1919 (отг. из „Изв. Унив. Св. Владимира“ 1919) изучает известную апокрифическую легенду о кающемся разбойнике. *А. И. Никифоров*—Русские повести, легенды и поверья о картофеле. (Изв. Общ. Арх., Истор. и Этногр. при Казанском Унив. т. XXXII, вып. 1. 1922 г. и отд.) распутывает взаимоотношения легенд и поверий о картофеле. (Рецензии: Н. П. Андреева в „Казанском Библиофиле“. 1922, № 3, стр. 70—73 и акад. В. Н. Перетца в „Изв. отд. рус. яз. и слов. Акад. Наук. 1922, т. XXVII, стр. 337—338). *Он же*—

Казанские повести о табаке („Казанский Музейн. Вестник“. 1922, № 2, стр. 70—74). *И. П. Плотников*—Микула Селянинович и Св. Николай. Курск. 1919 г. связывает эти два имени с народными легендами. *А. М. Путинцев*—Сказка П. П. Ершова „Конек-Горбунок“ и ее источники. (Труды Воронежск. Гос. Унив. т. I, Воронеж. 1925, стр. 339—358) интересна не только для историка литературы, но и для фольклориста. *И. Рождественский*—Штрихи из легенд о Федоре Кузьмиче („Этнографич. Бюллетень“ Восточно-Сибирск. Отд. Р. Г. О. 1923, кн. 4, стр. 11—14). *Самарин*—Богородица в русском народном православии („Рус. Мысль“. 1918, март—июнь). *А. Седельников*—Древняя киевская легенда об ап. Андрее („Slavia“. 1924, rosp. II, ses 2—3, стр. 316—335). *Вис. Смирнов*—Клады, паны и разбойники.—Этнографический очерк Костромского края. Кострома. 1921. (Труды Костр. Научн. Общ. по из. местн. края, вып. XXVI)—работа с массой русского материала. *М. Сперанский*—Международный странствующий сюжет в сказании о чуде святителя Николая (Изв. отд. рус. яз. и слов. А. Н. 1921, т. 26, стр. 124—142) изучает сюжет о хитром должнике, скрывшем долг в палке, которую на время присяги отдает поддержать кредитору. *Евг. Трубецкой*—Иное царство и его искатели в русской народной сказке. М.-Боровичи. 1922.—опыт психологической картины русских народных идеалов по сказке.

Любопытными дополнениями к этому списку являются небольшие статьи: *Мариетты Шапнян*—Литературный дневник. М. П. 1923, 2-ое изд., стр. 49—54 „Сказка“, где подчеркивается мысль, что сказка есть одна из „чистых“ поэтических форм творчества. *К. Чуковский*—Лепые нелепицы („Русский Современник“. 1924, № 4, стр. 178—193), где между прочим выдвигается интересная гипотеза—объяснения нелепых присказок и сказок о пошехонцах, как момента игры. Наконец, в статье *А. И. Белецкого*—В мастерской художника слова. (Вопросы теории и психологии творч. т. VIII. Харьков. 1923) разбросаны интересные мысли о формальных особенностях сюжетных произведений, в частности сказки.

Как я уже сказал, последние годы дали сильный рост краеведческого движения в Союзе. Сказка и легенда получили в этом движении свою долю интереса. Так появилось не малое число очерков по провинциальному и разноплеменному фольклору, где неизменно подвергается обзору и анализу также и сказка.

Великороссам и Северу России посвящены следующие статьи: *М. И. Смирнов*, Этнографический материал по Переяславль-Залесскому у., Владим. губ. Легенды и сказки. М. 1922. *Н. Г. Порфиридов*, Легенда Грузинской колокольни. Новгород. 1923, 7 стр. 16° (об Аракчеевской колокольне в Грузии). *И. Богословский*—Демонологический рукописный мотив и северная сказка. („Север“. Вологда. 1923, № 2, стр. 170—173) рассматривает сюжет, как черт снимает по зову барина сапоги. *Он же*, Материалы по народному быту, фольклору и литературной старине. (Пермский Краеведческий Сборник, вып. I, Пермь. 1924, стр. 70—83). *Он же*—Рукописная традиция в Шадринском фольклоре (там же. 1924, в. I, стр. 66—70). „На Северной Двине“, Сборник Архангельск. Общ. Краеведения. Архангельск. 1924, с заметками: *О. Э. Озаровской*—Из дневника фольклориста (стр. 4—18)

и *Б. В. Шершина*—Северные сказки (62—73). *Сказки и песни Переяславль-Залесского у.* М. 1922. II. *Коренной*—Заонежские сказки. Петрозаводск. 1919 г. II. *Г. Богатырев*—Верования великорусов Шенкурского у. (Этногр. Обзор. 1916, № 3—4, стр. 42—80) дает описание сказочницы. *А. Ширский*—Из легенд Ветлужского края (Третий Этногр. Сборник. Кострома. 1923, стр. 5—16). *В. Смирнов*—Потонувшие колокола (там же, стр. 1—4). *В. Смирнов*—Черт родился (творимая легенда) (там же, стр. 17—20). *Н. Завойко*—В Костромских лесах по Ветлуге реке. Кострома. 1917. (Этнограф. Сборн.—Труды Костр. Научн. Общ. по изуч. местн. края, вып. VIII, стр. 28—32). *В. Смирнов*—Народные похоронные причитания в Костромском крае. (Второй Этногр. Сборник. Кострома, 1920, стр. 21—126). *Г. Виноградов*—Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения в Сибири (Сборн. Трудов проф. и преподав. Гос. Иркутск. Унив. 1923, в. V, стр. 260—345). *Он же*—Этнография и современность: две легенды (Сиб. Жив. Стар. 1923, в. I). *Н. М. Эмиаш*—Изучение сибирского фольклора за последние годы (1921—1925) „Северная Азия“, 1926, № 5. *Б. Казанский* рец. на W. A. Berendsohn. Grundformen volkstümlicher Erzählenkunst in den Kinder und Hausmärchen der Br. Grimm. Hamburg. 1923. (Печать и Револ. 1924, кн. 7, стр. 216—217).

Украинцам посвящены статьи: *Олена Пчілка*—Українські народні легенди останнього часу („Етнографічний Вісник“ Київ. 1925, в. I, стр. 41—49); Звичай в селі Забріді Житомирського повіту на Волині. Етнографічні матеріали зібрані *Кравченком Васильом*. Житомир. 1920. Народні оповідання й казки (Етнографічні матер. зібрані *Васильом Кравченком*, т. II. Житомир s. a.). *В. Н. Перетц* Українська паралель до повісти, „Горе Злосчастіє“ („Україна“. 1924, № 3, стр. 23—24); Українські народні байки (звіринний епос), т. I—II. Зібрав *Вол. Гнатюк*. Львів. 1916 (Етнограф. Збірн. т. XXXVII—XXXVIII)—дан огромный материал сказок, с вступительной статьей и кратким перечнем всех 400 сюжетов.

Об иноплеменной сказке и легенде за рассматриваемые годы также появился ряд специальных статей.

Финно-угорская группа. О лопарской сказке в статье: *В. Визе*—Народный эпос русских лопарей (Изв. Арханг. Общ. Изуч. Русского Севера. 1917, № 1—2).

О вотяцкой сказке: О народной поэзии вотяков (Журн. „Комі Му“. Устьсысольск. 1925, № 2 (12), стр. 27—30).

О зырянской сказке: *А. Грен*—Зырянская мифология („Комі Му“ 1924, № 4—6, стр. 45—58; № 7—10, стр. 30—39; 1925, № 1, стр. 23—33). *Варыш*—Из легенд Коми народа („Комі Му“, 1924, № 7—10, стр. 70). *М. А. Лебедев*—Пермь Великая (Журн. Мин. Нар. Просв. 1917, № 11—12, стр. 112—162).

О вогульской сказке: *М. Плотников*—Послерусский вогульский эпос („Сибирские Огни“, 1924, № 2, стр. 124—159).

Об остяцкой сказке: *Н. Лопарев*—Мифология остяков и самоедов. Поклонение Ун-Урту („Наш Край“. Тобольск. 1924, № 1).

Мордве посвящены статьи: *М. Т. Маркелова*—Саратовская мордва (Сарат. Этногр. Сборн., под редакц. Б. М. Соколова, в. I, Саратов. 1922, на стр. 139—161 дано 14 легенд и сказок и ценная

автобиография сказочника Василия Савичева и биография Матвея Белкина). *А. В. Марков*—О влиянии русского и мордовского фольклора (Труды Тифлисск. Высш. Женск. Курсов).

О мари́йской сказке: *В. М. Васильев*—Верования и обряды Мари (Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Казанск. Ун., т. XXXI, в. I, стр. 49—70. 1920 г.).

Монгольская группа. О монгольской сказке: *Б. Владимиров*—Монгольский сборник рассказов из Панчатантры (Сборн. Муз. Антроп. и Этн. 1925, V в. 2, стр. 401—552). Монголо-ойратский героический эпос. Перев., вступ. статья и примеч. Б. Я. Владимировца.

О бурятской сказке: Образцы народн. словесн. монгольских племен. Произведен. народн. словесн. бурят. Собр. Ц. Жамцарано. Вып. III. Эпич. произвед. эхрит-булгатов. Ха-Ошир-Хубун. П. 1918. *М. Азадовский*—Н. Бестужев как этнограф. (Сиб. Жив. Стар. 1925, 3-4, стр. 31-40, изданы 3 бурят. сказки). *П. П. Баторов* и *В. И. Подюрбинский*—Из бурятского фольклора (Сиб. Жив. Стар. 1925, № 3—4, стр. 133—136). *Солбоңэ Туя*—О бурятско-монгольском эпосе и шаманской поэзии („Сибирские Огни“, 1923, т. 5—6, стр. 246—248).

Турецкая группа. О татарской сказке: *Н. Катанов*—Татарские рассказы о старой Казани (Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Казанск. Унив., т. XXX, в. 3, стр. 287—300 и отд.). *М. А. Васильев*—Памятники татарской народной словесности. Сказки и легенды. Казань. 1924. *Гудзий*—Мотив усеченной головы в татарской легенде об Азисе (отг. из № 56 „Изв. Таврич. Учен. Архивн. Ком., стр. 4—5).

О чувашской сказке: *Н. В. Никольский*—Творчество чуваш (Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Казанск. Ун., т. XXXI, в. I, стр. 76—86. 1920).

О киргизской сказке: в заметке *А. А. Мелкова*—Материалы по киргизской этнографии. Киргизские сказки (Труды Общ. Изуч. Киргизского Края, вып. VI, 1924. Оренбург. 1925).

О ногайской сказке: *П. А. Фалев*—Ногайская сказка об Ак-Кёбёке (Сборн. Муз. Антроп. и Этн. 1918, V в. 1, стр. 189—196).

О якутской сказке: *Кюлюмнюр*—Литературное творчество якутов („Жизнь национальностей“, 1923, кн. 3—4). *Эд. Пекарский*—Предание о том, откуда произошли якуты (Сиб. Жив. Стар. 1925, № 3—4, стр. 137—144). *В. М. Ионов*—К вопросу об изучении дохристианских верований якутов, (Сборн. Муз. Антроп. и Этногр. 1918, V, в. I, стр. 155—164). Образцы народной словесности якутов. *Собр. И. А. Худяков*, вып. 2. 1918. *А. Е. Кулаковский*—Материалы для изучения верований якутов (Зап. Якут. Краевого Географ. Общ. 1923, кн. I).

Об османских сказках: *В. А. Гордлевский*—Османские сказания и легенды. III серия (Этн. Обзор. за 1916 г., № 3—4, стр. 1—44. Вышла в 1918 г.).

О сказке разных племен Сибири. *В. Лохельсон*—Натуралистический сюжет о происхождении комаров и других гадов в сибирско-американских мифах (Сборн. Музея Антроп. и Этн. 1918, V, в. I, стр. 201—204). *Л. Я. Штернберг*—Кульг орла у сибирских народов. Этюд по сравнит. фольклору (Сборн. Муз. Антроп. и Этн. 1925, V, в. 2, стр. 717—740). *П. Малых*—Несколько слов об орченах и их

фольклоре („Записки Забайкальского Отд. Рус. Г. Общ. 1924, в. XV. Чита, стр. 134—142). *И. А. Лопатин*—Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования (Зап. Общ. Изуч. Амурск. Края. Владивосток. 1922). Целая глава посвящена верованиям и мифологии. *А. В. Анохин*—Материалы по шаманству у алтайцев. Л. 1924. Есть глава о духах и верованиях в них. *Материалы* по изучению алеутского языка и фольклора, собранные и обработанные *В. И. Иохельсоном*. П. 1923. т. I. Образцы народной словестности.

Кавказские племена. Об армянской сказке: *М. Шапсиян*—Очерки по мифологии армянских сказок („Армянский Вестник“, 1917, №№ 17, 18, 21, 23, 25). *Она же*—Армянские сказки („Восток“, 1924, № 4).

О сванетской сказке: *Юнов, Г. М.*—Сванские тексты, рассказы, сказки, стихи, песни, заговоры. 1917 г.

О нартской сказке: *Гадиев, Ц.*—Из цикла сказаний о нартах. („Горский Вестник“. Владикавказ. 1924, № 1 и 2).

Другие народы. О египетской сказке: *В. М. Викентьев*—Древне-египетская повесть о двух братьях. М. 1917, с прекрасным комментарием из области международной сказки.

О сирийской сказке: *А. Дьяконов*. К истории сирийского сказания о св. Мар-Евгене („Христианский Восток“ П. 1918, VI в. II, стр. 107—174).

О китайской сказке: *В. М. Алексеев*—Бессмертные двойники и даос с золотой жабою в свите бога богатства. Исслед. в области китайского фольклора (Сборн. Муз. Антроп. и Этн. 1918. V, в. 2, стр. 253—318).

Из названных работ одни представляют очень солидные исследования (напр. *В. М. Алексеева*, *В. М. Викентьева*), другие дают небольшие и слабые, но полезные для ориентации в сказке данной народности, статьи, третьи, наконец, просто общие замечания к издаваемым материалам.

К перечню специальных работ присоединю несколько интересных рецензий для изучающего сказку. Таковы: напечатанная в „Этногр. Обзор.“ за 1916 г., № 3—4, стр. 171—179 рец. *Вл. Богданова* на кн. *Д. К. Зеленина*—Очерки русской мифологии. Вып. I, П. 1916; напеч. в „Украине“ 1924, кн. 1—2, стр. 197—198 рец. *И. Гляди́вської* на ст. *J. Polivka*. *Sichám clovecinu-rusky dech, ruskou kost* (Národopisny Vestnik. XVII. 1924. Praha); напеч. в „Этн. Обзор.“ 1916, № 3—4, стр. 165—166 рец. *В. Гордлевской* на раб. *Oskar Hackman'a*. *Finlands svenska folkdikting I*, 1917 (о сказках); напеч. в „Украине“, 1924, № 3, стр. 153—155 рец. *Грушевської Катерини* на *Em. Cosquin*. *Etudes folkloriques*. Paris. 1922; там же 1924, № 4, 177—179 *ее же* рец. на *Folk-Lore*. London. 1923, XXXIV; там же 1925, № 4, 174—176 *ее же* рец. на *M. Gaster*. *Rumanian popular legends of the Ladi Mary* (Folk-Lore. 1923, XXIV). Наконец, в книжках журн. „Восток“ (вышло 5 кн.) напечатан ряд очень интересных рецензий акад. *С. Ф. Ольденбурга* и *Б. Владимирцова* на ряд иностранных изданий сказок (восточных, бенгальских, персидских и др.).

Такова теоретическая литература о сказке и легенде за последние годы. Какова научная ценность этой довольно значительной в общем литературы? Я бы кратко ее формулировал в виде нескольких положений.

1. Серьезные научные труды о сказке и легенде за рассмотренный период очень немногочисленны и являются скорее результатом старых работ ученых, получивших возможность напечатать их в последние годы. Эти серьезные работы идут, главным образом, по пути уже установившейся методологии и исторических штудий.

2. Нельзя, однако, не отметить, правда, пока еще слабо выраженных исканий новых путей в изучении сказки и легенды (см. статьи С. Ф. Ольденбурга, Р. Волкова, В. Шкловского), хотя эти искания проходят иногда, видимо, сознательно, мимо новейших направлений западно-европейской науки о сказке (гипнотическая теория von der Leuep'a, сексуальная—Фрейда, формальные работы типа Behrendson'a). В частности специально русское направление — изучение сказки вместе со сказочником продолжает закрепляться и в последние годы.

3. Рост краеведения в стране и наличие несомненного увлечения на местах вопросами фольклора, сказки и легенды в частности, вызвал к жизни нового, провинциального работника, открывая, повидимому, своеобразную „эпоху возрождения“ фольклористики. Здесь внимание направлено, главным образом, на соби́рание материалов. В опытах же научной обработки материала провинциальные работники, исключая большие университетские центры, переживают самое начало, так сказать романтического периода научных штудий, бредут ощупью и строят свои статьи по типу Афанасьевских. Поэтому говорить пока о серьезном научном значении этих работ в массе не приходится.

А. И. Никифоров.

Сказка в Ленинградских кружках по рассказыванию.

В Ленинграде кружки по рассказыванию существуют: 1) при педвузах и школах II ст. с педагогическим уклоном и 2) зародившиеся самостоятельно, но состоящие обычно при каких-нибудь культурно-просветительных учреждениях: домпросветах, библиотеках и пр., где членами являются в большинстве педагоги. С 1921 года работает 1 Ленинградский кружок рассказчиков при Центральной губ. библиотеке; при Центр. Доме раб. Просвещения работает второй кружок, возникший два года тому назад.

В 1 Ленинградском кружке рассказчиков при Центральной Губ. библиотеке работа над народными сказками производится следующим образом: сначала рассказчица подбирает сказку соответственно возрасту слушателей. Для детей младшего возраста слушателей материалом для рассказывания являются, главным образом, сказки о животных и бытовые, если они по своей идее не идут в разрез с современной идеологией. Затем производится анализ сказки по выработан-

ной кружком скале как со стороны содержания, так и формы. Если сказка удовлетворяет всем пунктам скалы, то может передаваться без особых изменений даже текстуально, в противном случае подвергается переделке применительно к возрасту и заданиям современного воспитания. Затем в присутствии ассистента проводится в аудитории пробное рассказывание, после чего сказка входит в репертуар рассказчицы. Сказки обычно рассказываются языком, близким к народному, т. е. языком народной сказки.

Для взрослых и для детей старшего возраста рассказываются сказки всех видов, как образцы народного творчества. Очень часто при этом народные сказки рассказываются говором. Здесь кружок стоит на той точке зрения, что сказка должна оставаться неприкосновенной: ни содержания ни формы изменять в ней нельзя. Но некоторые члены кружка стоят на другой точке зрения. Народная сказка, по их мнению, может подвергнуться изменению соответственно чутью рассказчика, но при условии, если он будет пользоваться исключительно народной речью и не нарушит внутренней стройности и главной мысли сказки. Свое мнение они основывают на том, что городская аудитория в настоящее время настолько ушла от жизни деревни, что утратила способность понимания чисто народной речи. Члены же кружка, стоящие за неприкосновенность сказки, считают, что народные сказки с их простотой, свежестью, сочностью и яркостью образов, всегда в строгом соответствии с понятиями, и без всякой переделки могут иметь весьма благотворное влияние на культуру речи.

Рассказывание производится в школах, педвузах, рабочих клубах, краеведческих кружках, библиотеках, домпросветах и на показательных вечерах, посвященных народному творчеству.

Рассказывание произведений народного творчества производится преимущественно рассказчиками, изучавшими фольклорный материал на местах и по записям собирателей; в большинстве случаев рассказывание сопровождается беседой или докладом о народном творчестве. Рассказывание народных сказок производилось: 1) как художественный материал, дающий огромное эстетическое наслаждение; 2) как иллюстрация к докладам о народном творчестве; 3) для ознакомления со старым, переходным и новым бытом деревни; 4) при проведении рассказов на тему „достижения науки и техники“, сказки вводились, как иллюстративная параллель из мифологии. Народные сказки принимаются всеми аудиториями с глубоким вниманием и воодушевлением, особенно сказки говором.

А. Е. Кудряшева.—М. М. Серова.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

О собирании русских народных сказок.

Из отчетов об этнологических наблюдениях по Северу России за последние годы.

Необычайный подъем интереса к русской народной сказке, возникший так быстро в связи с увлечением рассказыванием вообще и захвативший весьма широкие круги населения СССР, в самое последнее время заметно пошел на убыль, и народная сказка, еще недавно так ярко, тепло и приветливо прозвучавшая и на школьной кафедре, и в собраниях научных и литературных кругов, и на театральных подмостках, как будто стала затихать и даже замирать. Не говорит ли последнее обстоятельство за то, что время народной сказки уже проходит, что интересы ею изжиты, и что сказка обречена на забвение? На этот вопрос, к счастью, можно смело давать отрицательный ответ. Основательность последнего может быть подтверждена, с одной стороны, возрождением или возникновением новых организаций для изучения народной сказки, а с другой -- наблюдениями над проявлениями народной жизни, в обиход которой до самого последнего времени входит и народная сказка.

В числе других наблюдателей народной жизни, с давних пор интересующая народной русской сказкой, я и в самые последние годы имел возможность не только убедиться в существовании „сказочного“ интереса в народе, но и частично заняться собиранием и записыванием сказочного материала.

Район моих наблюдений захватывал целый ряд уголков наших северных губерний, начиная с Архангельской, Олонецкой, продолжая Северо-Двинской и Вологодской и кончая Тверской и Псковской. При моих ежегодных научных командировках я близко соприкасался с народной, главным образом, крестьянской средой и, в числе других вопросов, касающихся духовного и культурного быта этой среды всегда интересовался и народной сказкой. Кой-какие сказочные связи и знакомства сохранились у меня еще с довоенного времени, когда при поддержке Географического Общества и Академии Наук, было сделано

мною несколько поездок для собирания фольклористических материалов, в том числе преимущественно сказочного. Наибольшее количество собранных мною сказок приходилось на Тотемский, Вельский и Кадниковский уезды Вологодской губернии.

Работая в составе Этнологической Экспедиции А. И. М. К. в 1922 году, я имел случай ознакомиться с состоянием сказочного творчества в Краснохолмском, отчасти в Весьегонском уезде Тверской (тогда Рыбинской) губернии и записал до 60 народных сказок разного содержания. В 1924 году на мою долю выпала возможность, при поддержке той же Э. Э., снова побывать в Тотемском уезде и здесь частью возобновить прежние мои сказочные знакомства, частью завести совершенно новые; и собрать в общем значительный материал по народной сказке, заключающий в себе до 120 образцов различных сказок и вариантов.

Какого же рода сказочный материал, от кого, при каких условиях и каким образом мною собирался? Ведь, давно уже существует такое мнение, что народ перестал интересоваться сказкой, и сказочное творчество уже отошло в область прошлого. Ученые этнографы, любители, собиратели и все, кто интересуется народной жизнью и творчеством уже давным давно, отмечая быстрые смены, происходящие в народном быту и влекущие за собой смену нравов и обычаев, вкусов и духовных интересов, с тревогою указывали на быстрое вымирание старых форм народного творчества, в т. ч. и старинной народной сказки. А в последнее время раздаются даже такие голоса, что теперь все народное творчество выражается лишь в одной частушке; старые же формы песенного и сказочного творчества отошли целиком в область прошлого. Однако, рядом с этим существует и другой взгляд, взгляд, так сказать, природных оптимистов, которые не прочь утверждать, что ничего не происходит такого, что бы угрожало бытованию народной сказки. Сказка живет, ею интересуются, любят рассказывать, и мы видим, что в разных местах удается сделать богатые сборы сказочного материала. С первого взгляда кажется, что та и другая сторона как будто бы одинаково правы, и только полная противоположность этих взглядов заставляет думать, что истину надо искать где то по середине, а действительное состояние сказочного и всякого другого творчества народного определяется лишь внимательным изучением его на местах, в самой гуще народной жизни.

Я не думаю, что мои многолетние, но все же отрывочные наблюдения в этом отношении смогут дать вполне верную и исчерпывающую оценку, более или менее ясную и полную картину состояния сказочного творчества в народе за последние годы, но полагая, что те факты, какие скопились у меня в результате этих наблюдений, все же в состоянии принести некоторую помощь в освещении этого вопроса, я и решаюсь поделиться ими в настоящей заметке, поскольку мне позволит это сделать и время и отведенное для нее место.

Прежде всего считаю необходимым сказать несколько слов о тех приемах и методах, какими я пользовался при собирании сказочного материала. Ведь, с заезжим, да еще из большого города и другой среды, человеком крестьянство отлично умеет говорить особым весьма дипломатичным языком, пытаюсь как можно больше выведать от него и как

можно меньше сказать о себе и особенно о том, чем будет он с особенной настойчивостью интересоваться. Не раз встречалось в моей практике, что люди заведомо „знающие“, слышущие за знатоков сказок, упорно раз на всегда отказывались что бы то ни было рассказывать, придумывая для этого самые разнообразные отговорки. Чтобы заставить разговориться, надо умело подойти к рассказчику, расположить его в свою пользу и заручиться доверием к вам. Надо чтобы сказочник, или сказочница, хоть отчасти поняли какой-то разумный смысл в вашей работе, ради которого стоит тратить время на рассказывание, с одной стороны, и записывание — с другой. Приходится говорить о ценности народной сказки, часто веками сложившейся, со стороны ее пользы и доставляемого особенно в мрачные и тяжелые минуты жизни развлечения, — как для взрослых, так и для детей; о напечатании для последних (т. е. детей) сказок в качестве интересного и привлекающего к книге чтения; о необходимости сохранить раз навсегда хорошие, удачно сложенные сказки, ради чего они и должны быть записаны и напечатаны; и т. д. Задача подхода к сказочнику весьма упрощается, если вас уже знают в той местности, где вы намерены собирать сказки; наоборот, там, где вы являетесь совершенно новым человеком, вы должны уметь вести знакомства так, чтобы не возбудить и тени каких бы то ни было подозрений. „А на кой ему ляд сказки! выпытывает, верно, что нибудь“, буркнет какой нибудь скептик и остальная масса уже насторожилась и будет вас ощупывать со всех сторон — кто вы такой и что собственно вам нужно (каковы ваши намерения)? В этих случаях очень важно, чтобы вас поняли как делового человека, не напрасно, от нечего делать, заехавшего слушать сказки. Мне лично очень помогало в этом смысле то обстоятельство, что я всегда почти, появившись в новой для меня местности, интересовался не только духовной культурой, в частности — народным творчеством, но и внешним бытом населения и природными особенностями края. При таких условиях легче всего было получить отзыв со стороны местных жителей и завязать общность некоторых интересов, после чего уже легче перейти и к другим. Чаше всего, не рискуя подойти непосредственно к сказочным знакомствам, знакомишься с местными людьми, пользующимися, по тем или другим причинам, почетом, уважением и вниманием. На первом месте среди такого рода „лучших“ людей я всегда ставил народных учителей, с которыми не только всегда можно легко сговориться, но и почти всегда получить от них те или другие полезные указания и советы и нередко даже существенную помощь в вашей работе. При помощи их легче всего и собрать справки и завести знакомства со сказочниками. А познакомившись с вашими приемами работ и требованиями, какие к ней предъявляются вами, они нередко соглашались на свои услуги в этом деле и становятся весьма ценными, а иногда и прямо незаменимыми вашими сотрудниками.

Установив добрые отношения со сказочником, необходимо посчитаться с его занятностью, настроением и всякими другими обстоятельствами, которые могли бы мешать вашей работе, и попытаться их устранить; чем то надо компенсировать потерю сказочником его, всегда тем или другим занятого, особенно летом, времени. И в этом

отношении нужно не мало внимания и такта в отношении к сказочнику. Мне приходилось иногда помогать в полевых работах, иногда лечить, иногда написать письмо, иногда оказать всякие другие услуги, что-нибудь подарить, кого-нибудь сфотографировать или прямо оплатить затрачиваемое сказочником время.

В предварительной беседе стараешься ознакомиться с теми источниками, откуда почерпал свои сказки сказочник, с условиями и средой, в которых приходилось ему слушать и самому рассказывать, с репертуаром и содержанием его сказок. Когда содержание сказок оказывается не совсем таким, какое вас интересовало бы в первую очередь, вы рассказываете что-нибудь из желательного типа сказок или просто передаете содержание той или иной сказки и вызываете сказочника на соответствующие темы. Разумеется, всякий раз полезно было бы записывать полный репертуар особенно хороших сказочников, но далеко не всегда приходится это делать, чаще всего по недостатку времени для той или другой стороны; в силу чего и приходится выбирать то, что важнее записать в первую очередь.

Самый процесс записывания—вещь далеко не легкая и во всяком случае весьма утомительная для той и другой стороны. Если сказочник утомился раньше вашего, вы должны не только дать ему отдохнуть, но и развлечь и снова настроить на работу; но, если вы утомились, то это значительно хуже: это дурно действует на настроение сказочника; он незаметно начинает переходить к сокращенной передаче, часто пропуская некоторые подробности, и сказка получается не та, какой желательно было бы ее видеть. Вот в таком случае очень важно, чтобы в записывании не было перерывов, и, в случае утомления вашего, вас должен сменить ваш помощник; такое чередование не влияет на ход рассказа и весьма выгодно в том отношении, что вы, меньше отнимая времени у сказочника, больше успеваете записать, а самое важное—избежите лишних перерывов в рассказывании, после которых сказочник сбивается и с трудом настраивается на прежний лад. В случае записывания не одним лицом я пробовал применить способ буквальной передачи (повторения) слов сказочника (так как его самого такое повторение может сбивать) в том случае, когда записывающий, отвлеченный процессом записывания, не сразу вникнет или запомнит речь сказочника. Такие записи давали очень хорошие результаты, особенно, когда записывали двое, а третий в нужных случаях повторял (диктовал) речь сказочника: пропусков и переделок сказочником всего рассказа можно было избежать. Конечно, быть может, лучше всего пользоваться записями фонографа, но последнего мне ни разу не пришлось применять, за его недоступностью.

Разумеется, только что указываемые приемы и подход к записыванию сказок далеко не является единственным и, быть может, ни в какой мере не могут быть образцовыми; тем более, что, в зависимости от обстановки и других условий записывания, приходится прибегать к самым разнообразным приемам. Останавливаться на этом дальше, за недостатком места, я не смогу, а интересующиеся этим вопросом могут найти не мало соответствующих сведений в специальной литературе (Барсов, Григорьев, Шахматов, Зеленин, Ончуков, Познанский, Калинин и пр. и пр.).

Самым важным и ответственным моментом при собирании сказок является, конечно, вопрос: что следует записывать и, в соответствии с этим, от кого, от каких сказочников или рассказчиков записывать. По этому вопросу может быть такое же количество мнений, сколько существует этнографов—собираателей; но эти мнения так или иначе будут расходиться по двум разным направлениям: одно будет иметь в виду строго квалифицированный материал, а другое—произведения народного творчества всякого рода, лишь бы они были более или менее удачны, стройны и характерны для народного мировоззрения. За тем и другим есть свои преимущества, и я не намерен здесь входить в их рассмотрение и оценку; я скажу только о том, к чему я стремился и чего хотел достичь в поисках народной сказки на местах. Я скорее принадлежу к первой группе собираателей и целью собирания ставлю на первом месте задачу сохранения старинной традиционной сказки. Все, что создается сейчас, что будет твориться и впредь народной фантазией и находится в состоянии подвижного равновесия, оно может быть и характерно для данного момента народной жизни и ценно для определения ее состояния, но оно слишком велико, разнообразно и неустойчиво, а потому и слишком скользко для объективного изучения, представляя лишь богатый материал для субъективных выводов и взглядов фельетонного характера. С другой стороны, мы имеем прекрасные собрания и русских народных песен, и былин, и русских народных сказок, и мы хорошо знаем—как они составились, из каких материалов и где собранных; и мы ясно представляем, что все эти драгоценные, ничем не заменимые собрания, в силу разнообразных условий этого собирания, обширности территории нашей страны и так далее, не могли захватывать всего того материала, всех драгоценностей, таившихся в недрах народных; что эти сокровища еще и до сих пор не приведены к учету, и что можно думать, что в каких нибудь захолустных уголках они и теперь еще частично таятся в виде ценных, но еще не разрытых кладов. Отчего же в таком случае не попытаться их разыскать, не изъять их из скрытых и затаенных мест и не присоединить их к общенародной сокровищнице упомянутых богатств?

Руководствуясь убеждением в необходимости заняться поисками остатков произведений старого народного творчества, я всюду пытался прежде всего обратить внимание на бытование старинной народной сказки и с этой целью старался прежде всего разыскать старинных сказочников. В поисках подобного рода я не стремился, однако, непременно разыскать лишь такого рода сказки, которые до сих пор никем не записаны и совершенно неизвестны в сказочной литературе; я всякий раз был вполне удовлетворен, если тот или другой вариант даже самой общеизвестной старинной сказки был оригинален и вместе с тем по своим художественным достоинствам мало чем, или вовсе не уступал общеизвестному. Начинать записи с такого рода вариантов было полезно еще в том отношении, что на них легче было завязать правильные отношения с рассказчиком и установить его достоинства и недостатки, как сказочника. Очень часто поэтому я начинал мои „сказочные“ поиски с известной, быть может и не очень старинной, бытовой сказки „Лапоток“, или сказок: „Старик и

Волк», „Дудочка“, „Репка“, „Теремок“ и т. п. Я напоминал содержание такой сказки или рассказывал отдельные места сказочнику и вызывал его на соответствующий рассказ. Быть может, отчасти по этой причине у меня оказалось для некоторых сказок значительное количество вариантов, видимо, создавшихся вполне независимо друг от друга. Я позволю себе привести выдержки из некоторых из них, и пусть судит читатель—стоит ли отдельно записывать такие варианты.

1. Сказка „Старик и Волк“, известная всем из детских хрестоматий, в которой говорится о том, как „проведал волк, что у старика котинки много; пришел и говорит: „старик подавай старуху!“ в Кокшенинге, Тотемского уезда, записана в разных местах и в разных редакциях.

1-й вариант, записанный в д. Старый двор, Шебенгской волости:

Стоит избушечка
На крутом угорышке.
В той избушечке—
Старичок-старушечка;
У старика да у старушечки
Паренечёк да девушка,
Петушок да курочка,
Петь (5) овечушок;
Парнечок в сапожках
Девушка в сережках.

Волки приходят и поют этот припев. Старик говорит: „Старуха, баско воученьки поют—выкинем петушка“ и т. д. Весь рассказ идет оригинально и кончается тем, что волки и старика с'едают, и „жительство нарушилось“.

2-й вар., записанный в Спасской волости в д. Якурино:

Красён-красён дворец.
В том красном дворце
Живёт Строй-бабушка.
У Строй у бабушки
Сынók и дочюшка,
Петушók и кутюшка—
Под повить повешóны;
Корóва чёрная.
Свинья-та пёстрая,
Овця бесхвóстая.

Дальше говорится, что этот припев „хорошо поет медведущка“; и весь рассказ отличается от предыдущего.

3-й вариант, записанный в Минской волости в дер. Подгорной.

На горè на горушке
Живёт старик со старушкой.
Есь корóвушка—мыкушка

Чако́нька *)—блеюшка,
Че́шка-ре́шка **),
Соба́чка—пустола́ечка,
Ко́шечка—судомбечка,
Петушо́к—певуно́к,
Кутюшка—говорушка.
и т. д.

4-й вариант, зап. в дер. Нижней, в 17 в. от гор. Тотьмы.

Стоит, стоит дворец—
Соло́менной крыле́ць.
Де́душко да ба́бушка,
Одна́ лоша́душка,
Одна́ овёченька,
Одна́ соба́ченька,
Одна́ и ко́шечка
и т. д.

5-й вариант, зап. в дер. Шупове, Спасской волости.

На горё на горушице
Стоит красна́ избушиця
и т. д.

6-й вариант, зап. в Минской вол., в д. Подгорной, Тот. уезда.

Живёт старик на горушке
Со старушкой.
Живота́-скота́ дово́льно:
Ко́шечка с котёночком,
Курочка́ с циплёночком,
Сука со щенёночком
Овёчка́ с ёгнятком,
Коро́вка с теля́тком,
Кобыука́ с жере́бятком.
и т. д.

II. Лапоток (Лычко, Клюшечка).

Эта сказка является, повидимому, одной из самых популярных, и различные варианты ее мне удалось записать в уездах Вытегорском, Тотемском, Вельском, Кадниковском и Краснохолмском. Героиня сказки старушка идет с лапотком (или лычком или клюшечкой), спрашивается на ночлег и поутру, вместо лапотка, выпрашивает курочку, после — барашка, наконец — бычка и т. д.; выпрашивает „у попа сани, у дьякона оглобли, у мужика хомут“; запрягает и едет на бычке, припевая. По стройности припева, по простоте и стремительности развивающегося действия (завязки) и по скрытой морали в конце сказки (старушка осталась ни с чем: нажитое обманом не пошло

*) Овца.

**) Поросяенок.

в прок) сказка должна быть признана одной из очень древних традиционных сказок. Некоторые из ее вариантов отличаются чрезвычайно стройными и в то же время очень простыми и милыми припевами.

1-й вариант, зап. в Верхнепуйской вол., Вельского уезда.

Шню-шню бычѣк
Под горушку течѣт.
Сáни попóвы,
Оглóбли дьякóвы,
Хомут не свой—
Понужáй не стой;
 Оглóбли гнутце,
 Завѣртки рвутце,
 Хомут трешит,
 Дугá верещит...

2-й вариант, В Спасской вол., Тотемск. уезда.

Тпру-ста бычѣк
Под горушку —тычѣк
Шаляпушки печѣт.
Сáльца малéнько,
Оглóбельки тонéньки
и т. д.

3-й вариант. Записан в Минской вол., Тот. уезда, в дер. Подгорной.

Ну-т-ко, бычѣк,
Под горушку тычѣк.
Сáньци-малéньци,
Оглóбельки тоняньци,
Хомут не свой,
Понугáй не стой...
и т. д.

Ход самого рассказа одинакового по мысли, так же, как и припевы, сильно варьирует: в одном случае старушка едет на бычке, в другом—на лошадке; в одном случае завертка лопает, в другом—вязок и т. д. Любопытно, что в одном варианте, на вопрос зайца: „куда, бабушка, поехала?“—старушка отвечает: „На Воугу избушку рубить!“ Видимо, некоторые варианты сказки могли проникнуть на Север из различных, более южных мест.

III. Теремок.

Имеются разные варианты: 1) Теремок вошки и блошки, 2) Теремок мушки, 3) Теремок мышки. Ход рассказа более или менее одинаков, но характеристики и эпитеты животных довольно различны и иногда чрезвычайно метки и красивы.

„Вошь-попоузуха“ и „блоха-поскакуха“, найдя в поле „коневью“ голову, описывают ее, как терем, в таких выражениях: „Экой терем,

экой хороший! Окна холодны, лавки дородны!“ Лисица рекомендуется так:

Я лисиця
Мáсляна губиця,
Дивья красовиця,
Малинов цвет!

А медведь: „Ляпыш-тяпыш, всем пригнётыш“.

В другом теремке поселяются „Муха-шумиха да комар-пискун да паут-верескун“ и т. д.

Я не считаю возможным здесь приводить еще какие бы то ни было варианты сказок и выдержки из них. Полагаю, что и приведенных образцов достаточно для характеристики этих, во многих случаях по новому звучащих, старинных сказок на общеизвестные темы. Но и среди больших мало известных и мало распространенных сказок можно встретить весьма оригинальные и красивые варианты. О них мне придется дальше лишь вскользь сказать несколько слов. Теперь же мне хотелось бы остановиться на одном из самых важных вопросов в деле собирания народных сказок и определения состояния сказочного материала в последние годы: на вопросе о том, кто же является хранителями и передатчиками сказочной поэзии, и у кого следует записывать старинные, традиционные. так сказать, „настоящие“ и всякие другие сказки.

В тех характеристиках, какие можно встретить в литературе о более или менее современных сказочниках, можно найти подразделения сказочников на профессионалов и любителей. Мне думается, что такое подразделение нельзя считать удачным: по моему, нет в народе ни профессиональных певцов ни профессиональных сказочников (по крайней мере, я таковых не встречал), но есть мастера петь и мастера сказывать, одни удачнее, другие менее удачно. От них идет длинная градация вниз интересующихся сказкой, любящих ее и памятливых людей, которые в подходящих условиях не прочь рассказывать и нередко в том или другом кругу имеют в этом отношении успех. Есть общераспространенные семейные и детские сказки, на подобие тех, о которых уже упоминалось здесь, какие рассказывает почти каждая мать или отец, бабушка или дедушка своим детям и внукам. И эта категория рассказчиков должна быть учтена в первую очередь. Иногда именно у такого рода рассказчиков встречаешь варианты очень древних и редких сказок, легенды и т. под. Более смелые и талантливые (иногда более тщеславные или словоохотливые) из этой категории начинают собирать вокруг себя аудиторию и за своим семейным кругом, пользуясь иногда деревенскими вечерушками, супрядками и др. собраниями. Наконец, еще более одаренные ищут себе постоянной более или менее многолюдной аудитории, выступая и на мельницах, и на помочах, и на артельных работах, и т. под. Из этой категории многие по профессии своей постоянно встречаются с более или менее широким кругом людей, и сами любят рассказывать и с удовольствием слушают всякого удачного сказочника. Это очень часто бывалые люди, мастеровые, мельники и т. п. Очень

часто становятся весьма хорошими сказочниками посидевшие в тюрьмах, иногда и побывавшие в солдатах.

Надо поражаться памяти многих из них: не один сказочник уверял меня, что он любую сказку, услышавши раз, „поймет“ и не забудет всю жизнь. Прошлым летом одна семейная и нигде не бывавшая пожилая женщина, никогда не выступавшая в качестве общественной сказочницы, пересказала мне одну сказку и одну песню, которые она всего раз услышала в свое время от ее покойного отца и, „понявши“ сразу, уже не забудет до смерти.

Сказочников приходится различать не только по их мастерству рассказывать и талантности, но еще и по характеру, вкусам и наклонностям и по моральному уровню. В зависимости от этого находится содержание сказочного материала: сказки одного отличаются по преимуществу серьезным характером, сказки другого — пропитаны юмором и комизмом, а третий под именем сказок рассказывает всякого рода веселые похождения с самыми нескромными анекдотами и отборными крепкими выражениями. И каждый находит слушателей по своему репертуару.

Вот здесь для собирателя народных сказок очень важно, не довольствуясь слухами и славой того или другого сказочника, лично убедиться, насколько он заслуживает того, чтобы выслушивать, а тем паче записывать от него его „сказки“. Мне порекомендовали в Делединской волости, Краснохолмского уезда, одного очень интересного сказочника, и когда я с ним познакомился, то оказалось, что он рассказывает исключительно пикантные повести, которые он выдает за истинные происшествия, уверяя, что это действительно все так и было. „Была одна жгучая brunетка“, начинает он одну свою повесть: „и влюбилси в нее один господин средних лет, тоже brunet“... Когда я попросил его рассказать что-нибудь из волшебных или чудесных сказок или о богатырях, жар-птице и т. п., то он мне определенно и категорически сказал, что „такими пустяками“ он не занимается, что „этому верят бабы да суеверные люди, а я рассказываю лишь то, что было“. Тут не приходится говорить ни о какой сказочной традиции, и у прославленного „сказочника“ нет ни одной сказки. Это крайний случай. Но сплошь и рядом можно встретить „талантливых“ сказочников, репертуар которых состоит действительно из настоящих, иногда старинных сказок, но до такой степени переделанных и рассказываемых до такой степени свободным „бывальческим“ языком, представляющим смесь городского фабричного с деревенским, что в таком рассказе можно только находить отдельные эпизоды из традиционных сказок, нанизанные один на другой, часто ради того, чтобы удлинить только сказку, и совершенное отсутствие простоты, яркости и скромной красоты и меткости сказочного языка. Для примера приведу небольшую выдержку из сказки такого сказочника „О Вóроне Вóроновиче“: „Стоит двор, как терем, а изба, как город, а на веретенной пятке, а на куриной лапке. Приходит Василий, заходит в этот дом. Выходит бáрошни и великое ему подает подщенье...— А вот мне лопить, поись, а потом лекчи, на коечку...— Вот пооди, *вам* все будет готово“ и т. д. Здесь прежний сказочный язык и содержание обращены в сказочный конгломерат и без запинки передаются

словоохотливым, бывалым в разных местах мельником, в репертуаре которого, на ряду с такими сказочными переделками, имеются и такие, как „В городе Лондоне на реке Шоксне“. Я записал для образца у этого сказочника не одну сказку, но лишь только для того, чтобы видеть, что подобные „известные и интересные“ сказочники могут быть использованы когда угодно: это новый тип, недавно народившийся и, конечно, не без будущности. К счастью, из категории „известных“ сказочников можно еще встретить и таких, которые любят старинную традиционную сказку и передают ее истово, не переделывая и не коверкая. Еще в прошлом году мне удалось в Кокшеньге, Тотемского уезда, встретить не одного такого сказочника и записать от них не мало весьма хорошо переданных сказок, веющих иногда отдаленной былинной стариной. Некоторые из этих сказочников обладают довольно большим репертуаром и остается лишь пожалеть, что недостаток времени не позволил мне записать полностью все, что эти сказочники знают. У некоторых из них репертуар достигает нескольких десятков сказок, среди которых не мало таких, которые не уместятся и в печатный лист. Один из них, Анаст. Степ. Шатков, „берется на нидилю вперед рассказывать“. В его репертуар, между прочим, входят: „Иван Волоф“, „Про Елену прекрасную“, „Царевна-Лягушка“, „Горев“, „Иван-Царевич“, „Салко купец, богатый гость“, „Еруслан Лазаревич“, „Франциль Винциан“, „Про щуку-белугу“, „Кобылица-златорица“, „Омеля-дурачек“ и целый ряд других, при чем на ряду с длинными героического содержания сказками имеются бытовые, сатирические и юмористические („Мизгирь“ и т. под.). У другого сказочника, Савватия Яковлевича Накозина, герои говорят старинным былинного характера слогом, вроде того, что головы 3-х-главого змея галдят, кричат, поют—которая что: „Одна поет, другая на Русь хвалится“ и т. д. (См. его сказку „Иван-Кошкин сын“). Из большого весьма разнообразного и интересного запаса сказок Ст. Ф. Вячеславова, 63 лет, удалось записать больше десяти сказок, в числе которых имеются: „Три грошика“, „Волшебный перстень“, „Рога“ и проч. Многих сказочников с такими и подобными характеристиками, как „неистошимый“, „у него полный мешок сказок“ и т. п., не пришлось видеть вовсе.

Все эти „известные“ более или менее талантливые и плодovитые сказочники различаются не только по содержанию рассказываемых ими сказок, но и по манере рассказывать и по своему отношению к сказочному слову. Один из них считает себя не вправе изменить ни одного слова, ни одного выражения, для него и из сказки, как и из песни, „слова не выкинешь“. „Так сказывалось“, „так я слышал“, говорят они в тех случаях, когда встретятся мало-понятные и сомнительные места. Некоторые из них передают сказку, читая ее как по книге, для чего берут в руки лист бумаги, тетрадь или книгу, нередко вверх ногами, и смотря в них „читают“ сказку. Другие любят более свободную передачу, приводя в пояснение примеры из окружающей среды и частенько ставя на месте героя или себя или кого-либо из слушателей, иногда и посторонних. Сказка часто выигрывает в живости, но при неумеренности и излишнем увлечении в эту сторону начинает терять свой первоначальный облик и почти всегда

становится хуже оригинала. Этот выгодный и иногда, быть может, желательный прием рассказывания, нередко становится причиной неудачных переделок и порчи традиционных народных сказок.

Я позволю себе коснуться еще одного вопроса, имеющего некоторую важность для собирателей сказок. Принято думать, что надо записывать сказки, как лучшие и наиболее старинные, непременно у стариков и по возможности неграмотных. Мои наблюдения показали, что это далеко не всегда основательно. Я знал одного неграмотного старика, большого любителя рассказывать; это была настоящая говорильная машина: он минуты не мог просидеть молча, если не слушал кого-либо другого, черпая от него новый материал для своих рассказов. И вот этот „Пашкó-Ляпкó“, как его называли соседи, больше всего любил рассказывать читанные ему по книге всякого рода повести, истории, жития и проч. С другой стороны, хорошо грамотные люди иногда рассказывают исключительно те сказки, которые они слышали от стариков. Возраст тоже имеет весьма относительное значение, но лучше всего рассказывают пожилые, еще крепкие и здоровые люди; дряхлые старики рассказывают почти всегда плохо. Недурно передают сказки подростки и молодые люди, в возрасте от 15 до 25 лет, и даже многие дети, особенно „по свежей памяти“ и доступное их возрасту.

Я должен кончать: моя заметка разрослась и без того. Многое другое, чем мог бы я поделиться из своих наблюдений при собирании сказок, придется отложить до другого раза.

В заключение, мне кажется, следует сказать (что видно и из предшествующего изложения), что сказка в народе живет, как живет интерес к ней, потребность и спрос на нее; что местами можно еще собрать прекрасные образцы сказок; так же точно существует еще немалое количество заправских талантливых и плодовитых сказочников. Но все же мы видим, что наряду с бережным и любовным обращением со сказкой в среде даже выдающихся сказочников существует к ней и самое бесцеремонное отношение, кончающееся переделкой и извращением старинной народной сказки. И число сказочников первой категории относительно становится все меньше, а второй больше. О лучших сказочниках часто сохранились лишь предания: они сошли уже в могилу. Так обстоит дело в местах, где можно сказать, что сказка живет; но есть и такие места в нашей стране (на Руси), где уже сказок не рассказывают, где они или вовсе умерли или совершенно не в ходу. Можно думать по аналогии, что такая судьба может постичь и те счастливые местности, где сказка бытует еще, можно сказать, всюю. Отсюда необходимо сделать тот вывод, что все, кому дорога старинная народная сказка, в особенности же люди науки, должны напереч все свои усилия на то, чтобы не теряя времени, собрать и сохранить те драгоценные жемчужины народного творчества, какие в настоящую пору то там, то сям еще в народе имеются.

Конечно, сказка в народе, вообще говоря, никогда, быть может, не умрет, но в каком виде будет она жить, какие формы примет—

нам только приходится об этом гадать; несомненно, что, как отчасти это видно и из предыдущего, формы эти будут другие, и сказка будет далеко не та, что была, поэтому и цена ее и значение тоже будут другие.

М. Б. Едемский.

11-XII 1925 г.

Commission pour l'étude des contes populaires 1924—25. Compte-rendu des travaux par les membres de la Commission sous la direction du Président de la commission S. F. d'Oldenburg, membre de l'Académie.

La commission de la Section d'Ethnographie de la Société de Géographie à Léningrad occupée depuis l'année 1911 à collectionner, étudier et publier des contes russes populaires donne dans ce fascicule le résultat de ses travaux pendant l'année 1924—25.

L'article de *S. F. d'Oldenburg* „L'importance exceptionnelle de l'étude du conte populaire“ parle de l'importance du conte populaire au point de vue de l'histoire, de la littérature et de l'éthnographie.

Le compte-rendu du secrétaire de la Commission *N. P. Grinkova* donne un aperçu des travaux commencés par la Commission: la bibliographie des contes imprimés et non imprimés, la série des conteurs et des collectionneurs de contes; le catalogue des contes fait d'après le système Aarne, la cartographie des sujets des contes; le travail sur le collectionnement de nouveaux textes. Dans l'exposé on donne l'index, encore fort sommaire des redactions de textes faites pendant les dernières années.

N. M. Eliach expose les principes pour cartographier les données sur les conteurs et les sujets des contes; le but de ces cartes est de faire connaître tous les textes de contes, collectionnés dans divers endroits de S. S. S. R., textes qui n'ont pas encore été imprimés.

N. P. Andreeff. „Système Aarne et la cataloguisation de contes russes“. La cataloguisation des sujets des contes russes a pour base le système le plus détaillé, celui d'Aarné (*Verzeichnis der Märchentypen—Folklore Fellows Communications № 3*). Pour les contes russes le catalogue Aarne a des changements à subir au point de vue de la formule des types, en élargissant par de nouveaux types des variations des types existants.

N. Onchoukoff. „Bibliographie du conte en langue russe“. Dans l'index bibliographique sont indiqué 50 éditions parues après 1917.

A. Nikiforoff. L'intérêt pour les contes chez les spécialistes russes de 1917—1925 ne baisse pas, la littérature du conte est considérable, mais elle s'occupe surtout des textes. Reste à noter le nombre de petits articles traitant la question dans les revues régionales. Cependant ces articles par leur méthode sont encore au niveau de la vieille interprétation mythologique du conte. La littérature du sujet comprend un grand nombre d'indications bibliographiques, de prospectus, de commentaires sur la façon de collectionner les contes, quelques articles historiographi-

ques et méthodologiques, des chapitres spéciaux dans des cours d'histoire de la littérature, tirés d'ouvrages spéciaux sur les conteurs et les sujets des contes chez divers nationalités de S. S. S. R.

A. Coudriacheva et M. Serova. „Les contes dans les cercles des conteurs de Léningrad“. Article sur la façon de conter. Le conte populaire attire une attention particulière, qui permet de suivre de près le travail du conteur.

M. Edemsky. „Sur le collectionnement des contes russes“. La conte russe populaire vit encore de nos jours dans les masses dans nos gouvernements du Nord et autres. L'on y rencontre beaucoup de conteurs de talent. Cependant la matière à prendre est loin d'être définie et plus varié est encore le cercle des conteurs, de sorte que celui qui collectionne et étudie les oeuvres de la littérature narrative doit bien établir quelle est la matière à choisir et où la puiser, car sous le noms de contes les uns nous présentent de vieux contes traditionnels, d'autres de nouvelles et des anecdotes, d'autres encore des légendes. L'auteur de l'article conseille de collectionner avant tout de vieux contes traditionnels parce que ces contes sont le plus vite oubliés ou refaits et remplacés par des nouvelles beaucoup plus faibles au point de vue du style et du sujet. En comparant les contes anciens pris dans les vieilles notes de l'auteur, avec leur variantes modernes on voit, si les premiers se distinguent par la simplicité et la perfection du style et du sujet, les secondes sont confus, brouillés et manquent même parfois de sens. Le collectionnement des contes populaires est donc tout à fait urgent.

TABLE DES MATIÈRES.

	Pages.
<i>S. F. d'Oldenburg</i> —L'importance de l'étude du conte populaire. . .	5
<i>N. P. Grinkova</i> —Compte-rendu des travaux de la Commission pour l'étude des contes populaires en 1924—25. . . .	7
Liste sommaire de contes réunis en manuscrit dans les dernières années.	10
<i>N. M. Eliach</i> —Sur les conteurs et collectionneurs de contes. . . .	12
<i>N. P. Andreeff</i> —Système Aarne et cataloguisation des contes russes.	15
<i>N. E. Onchoukoff</i> —Bibliographie du conte en langue russe depuis l'année 1917.	20
<i>A. I. Nikiforoff</i> —Aperçu des travaux sur les contes et les légendes de 1917—1925.	23
<i>A. Coudriacheva et M. Serova</i> —Le conte dans les cercles de conteurs de Léningrad.	33
<i>M. B. Edemsky</i> —Sur le collectionnement des contes russes. . . .	35